

**ТРЫМАЙСЯ
ПРАВДЫ!**

Выдавец:

ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 1 (68–69)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба

Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Фота

Дзмітрый Майскі
Photo.bymedia.net

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны № 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку _____
Дата выхаду _____

Фармат 60x84 / 8.

Папера афсетная.

Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.

Наклад 500 асобнікаў.

Заказ № _____

Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:

220030, г. Мінск,

пл. Свабоды, 17 – 304.

Тэл./факс: (017) 203-63-66,

(029) 126-70-98

e-mail: abajur@baj.by,

baj@baj.by

http://www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330 / 0056748 ад 22.01.04 г.

Адрас:

220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.

Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,

8-029-623-74-10

office@medisont.com

www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб
друку аўтары нясуць адказнасць
за падбор і дакладнасць фактаў,
прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць
матэрыялы ў парадку
абмеркавання, не падзяляючы
пункту гледжання аўтараў.

- Што там творыцца...
за зачыненымі дзвярыма суда? 2**
Міхаіл Пастухоў, Юрый Тапарашаў
- Страшэнная сіла 8**
Сяргей Ваганаў
- Ігар Губерман: «Першымі апамяталіся
блатары і крымінальнікі» 9**
- Вольга Іпатава:
«Мы — не правінцыя, шэрая
і бязрадасная» 12**
- Беларусь у ламбардзе 14**
Алена Наважылава
- Адхіленне ад справы 18**
Леанід Заіка
- Міхаіл Герчык:
«Не спадзявайся выбрацца адтуль» 21**
- Як я быў інвалідам 24**
Руслан Гарбачоў
- Традыцыйнай журналістыцы
трэба мянцца 27**
Марк Грыгаран
- Новыя магчымасці пошуку інфармацыі
ў інтэрнеце для журналістаў 30**
Жанна Ямайкіна
- «...І падчас вандровак
душа яго заўсёды працавала».
Невядомае інтэрв'ю Васіля Быкава 34**
Сяргей Шапран
- Лятайце самалётамі. Нататкі вандроўніка .. 36**
Уладзімір Самойлаў

Судебный процесс по делу Александра Сдвижкова выявил ряд особенностей «судопроизводства по-белорусски» и породил больше вопросов, чем дал ответов.

Михаил ПАСТУХОВ
юристы ОО «Белорусская ассоциация журналистов»

Юрий ТОПОРАШЕВ
юристы ОО «Белорусская ассоциация журналистов»

Что там творится... за закрытыми дверями суда?

Когда появились первые сообщения о начале судебного процесса по уголовному делу в отношении журналиста Александра Сдвижкова, то выяснилось, что о сути этого дела знают буквально считанные люди. Оно стало новостью даже для журналистов, которым в силу профессии положено «все знать».

Еще большей неожиданностью стал приговор Мингорсуда — 3 года лишения свободы в условиях усиленного режима. Коллеги, представители белорусской и международной прогрессивной общности расценили этот приговор как акт необоснованной жестокости.

Беларусь оказалась последним государством, где скандал по поводу публикации карикатур на пророка Мухаммеда получил свое завершение, причем в самой экстраординарной форме. Ситуацию не исправил тот факт, что через месяц после назначения наказания Коллегия Верховного суда Беларуси уменьшила срок до 3 месяцев ареста. Обвинение, ставшее основанием для уголовного преследования, с журналиста не снято.

Исторический экскурс

Впервые карикатуры на пророка Мухаммеда с соответствующим текстом были опубликованы в датской газете «Jyllands-Posten» 30 сентября 2005 года. Затем их перепечатали в 143 изданиях 56 стран мира.

Руководители мусульманских сообществ, легально действующих в Европе, направляли в суды этих стран иски и требовали привлечь к ответственности редакции газет и журналистов. Но возмущавшиеся не нашли взаимопонимания с представителями тамошней Фемиды: европейские суды были единодушны в том, что «рисунки защищаются законом о свободе самовыражения и не наносят вреда исламу». Датский суд вообще не принял к

рассмотрению иск о «разжигании национальной, расовой и религиозной вражды», который подали местные мусульмане.

Правда, в некоторых странах дело все-таки дошло до применения репрессивных мер в отношении журналистов. Так, во Франции по инициативе нанимателя был уволен редактор газеты «Франс Суар». В Малайзии, мусульманской стране, пошли дальше: приостановили выход трех газет, опубликовавших карикатуры. Впрочем, вскоре им разрешили продолжить издательскую деятельность.

Интерес представляет позиция российских властей. В г. Волгограде (бывшем Сталинграде) была закрыта газета «Городские вести», но от возбуждения уголовного дела местная администрация воздержалась. В Вологодской области уголовное дело все же возбудили, довели его до суда, но суд оправдал главного редактора газеты «Наш регион», в которой были перепечатаны «датские рисунки».

«Украинские» мусульмане вообще продемонстрировали пример европейского джентльменства: они потребовали от редакции газеты «Сегодня» извиниться перед читателями за публикацию нескольких карикатур и связанной с ними статьи «Третью мировую войну вызовут карикатуры».

В мусульманских странах, где были напечатаны данные карикатуры, «шутников» ждали весьма жесткие наказания. К примеру, к двум месяцам (!) тюремного заключения приговорили журналистов в Иордании (правда, их тут же освободили под залог). В Йемене редактора газеты «Al-Rai Al-Aam» («Общественная мысль») наказали более сурово — один год тюремного заключения. Однако генеральный прокурор этой страны посчитал такой приговор чрезмерно жестоким и отменил его.

И вот 10 января 2008 года началось историческое заседание Минского городского суда, которому предоставлялась возможность высказать посредством приговора свое отношение к всемирному карикатурному скандалу...

О том, как проходил этот процесс, какие выявил особенности и почему был объявлен такой жесткий приговор и пойдет речь в данной статье. Авторы приносят извинения за уклон в сторону правового анализа событий. Мы сделали это сознательно по нескольким причинам. Во-первых, информационные и публицистические статьи о деле Сдвижкова уже написаны и, наверняка, дошли до читателей. Во-вторых, работающим в прессе важно осмыслить правовые аспекты случившегося. Поэтому стоит исследовать все обстоятельства, установить наличие или отсутствие признаков инкриминируемого преступления, в том числе виновности подсудимого.

И, наконец, в-третьих, любые судебные слушания в обязательном порядке должны проходить в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Нарушение этого условия дает основание для сомнения в правомерности вынесенного приговора. Это отлично известно судьям, и тем не менее...

Неожиданное начало

Собравшиеся в одном из залов заседаний Минского городского суда журналисты, правозащитники, представители ряда общественных организаций ждали появления судьи. Александр Сдвижков уже занимал место подсудимого, огороженное решеткой и милицейским конвоем. Охранное подразделение возглавлял чрезвычайно активный прапорщик. Когда фотокорреспонденты попытались сделать снимки, прапорщик тут же «поднял в ружье» конвой и пригрозил вывести публику из зала.

Конфликт назревал буквально на пустом месте. Дело в том, что прапорщик, даже будучи начальником конвоя, вообще не имел права запрещать проведение фотосъемки. Это исключительная прерогатива председательствующего в суде. К тому же судебное заседание еще не началось, и испрашивать разрешения на фотосъемку не было необходимости. Такой вывод следует из статьи 287 Уголовно-процессуального кодекса («Обеспечение гласности судебного разбирательства»), в соответствии с которой фотосъемка в ходе судебного заседания допускается с разрешения председательствующего.

Начальнику конвоя растолковали эти нюансы уголовного процесса. Казалось, прапорщик все понял, но, к удивлению присутствовавших, тут же дал команду надеть на Сдвижкова наручники и вывести его из зала. Атмосфера накалялась...

Грозовую ситуацию разрядило появление судьи Руслана Анискевича, объявившего о начале судебных слушаний. Прибыл и представитель государственного обвинения капитан юстиции Алексей Веренчиков.

Первое и последнее, что довелось услышать собравшейся в зале публике, было ходатайство Александра Сдвижкова об отводе судьи Р. Анискевича. Выслушав подсудимого, судья объявил, что удаляется в совещательную комнату для изучения ходатайства и принятия по нему решения.

Как только за судьей закрылась дверь, снова выступил прапорщик. Он потребовал: «Всем удалиться из зала!» В основном интеллигентная публика не стала спорить с этим маленьким начальником и без лишних слов покинула зал заседания.

Но было ли правомерным данное требование? Если исходить из того, что ни судья, ни секретарь судебного заседания по поручению судьи не объявляли перерыва, то *судебное заседание продолжалось*. Приняв в отсутствие судьи решение об удалении публики из зала заседания, милицейский прапорщик фактически присвоил себе права судьи и, как вскоре выяснится, допустил ряд нарушений законодательных норм, регулирующих судопроизводство.

Приведем лишь некоторые из них. Так, статья 110 Конституции предусматривает, что какое-либо вмешательство в деятельность судей по отправлению правосудия недопустимо и влечет ответственность по закону. Согласно статье 114 Основного

закона разбирательство дел во всех судах ведется открыто («засекретить» разбирательство, еще раз напомним, вправе лишь судья).

Недопустимость вмешательства в деятельность судей «красной линией» проходит по ряду иных законодательных актов. В статье 85 Кодекса о судостроительстве и статусе судей это требование изложено более широко и подробно. Кстати, в последней части этой статьи упоминаются и средства массовой информации, которые «... **не вправе предпринимать в своих сообщениях результаты судебного разбирательства по конкретному делу или иным образом воздействовать на судью или народного заседателя**». (Это очень опасная норма с широким правоприменением, что следует иметь в виду журналистам, посвятившим себя жанру судебного репортажа.)

Наиболее полно все аспекты судопроизводства по уголовным делам изложены в Уголовно-процессуальном кодексе. Не будем конкретизировать его положения, скажем лишь, что начальник конвоя там вообще не упоминается ни в каком качестве. А исполнение поручений председательствующего возложено лишь на секретаря судебного заседания (ст. 291 УПК).

Итак, к чему же привело самоуправство прапорщика-анонима, исполнявшего в тот день обязанности начальника конвоя?

После почти часового сидения в коридоре кто-то из журналистов все же решил заглянуть в зал заседаний. Каково же было его изумление, когда он увидел, что процесс... идет полным ходом. На авансцене тут же появился вездесущий прапорщик и разъяснил толпящейся у двери публике: судом объявлено, что далее процесс будет проходить в закрытом режиме...

Журналисты Л. Ушкин и А. Сдвижков (справа) в редакции независимой газеты «Згода»

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ЗАКРЫТЫМ

Процедура и основания

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь дается четкий и исчерпывающий перечень оснований, которые позволяют объявить судебное заседание закрытым.

Статья 287 УПК («Обеспечение гласности судебного разбирательства») предусматривает, что суд должен обеспечить открытое судебное разбирательство уголовных дел.

Это означает, что любые «уважительные» ссылки судьи на отсутствие достаточно просторного помещения, в котором могут разместиться все те, кто желает присутствовать на судебном заседании, являются беспочвенными и противоречащими закону.

Закрытое судебное заседание допускается по мотивированному определению (постановлению) суда лишь по основаниям, предусмотренным статьей 23 УПК.

Процедура объявления судебного заседания закрытым начинается лишь после публичного, в присутствии участников процесса и посетителей, оглашения соответствующего решения судьи. Определение (постановление) должно быть мотивированным, т. е. для проведения заседания в закрытом режиме должны быть причины и основания. До этого выслушиваются мнения и возражения сторон. Затем всем посетителям («публике») предлагается покинуть зал судебного заседания.

В статье 23 УПК («Гласность судебного разбирательства») приводится перечень оснований, которые позволяют объявить заседание закрытым. В частности, закрытое судебное заседание допускается лишь:

- для обеспечения охраны государственных секретов и иной охраняемой законом тайны;
- по делам о преступлениях, которые совершили лица, не достигшие 16-летнего возраста;
- по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство;
- в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников уголовного процесса, членов их семей, близких родственников...

Как показывает судебная практика, если нет явных оснований для «закрытия» слушаний по делу, судьи прибегают к формулировке: «В целях предотвращения распространения сведений, унижающих достоинство участвующих в деле лиц».

В данном случае необходимо требовать, чтобы суд указал конкретно, достоинство каких именно лиц может быть унижено и что это за сведения.

Именно к такой формулировке, насколько нам известно, прибегнул Минский городской суд, вынося определение о дальнейшем слушании «дела А. Сдвижкова» в закрытом режиме.

Вот только осталось непонятным, какие сведения могли унижить достоинство и чье именно.

Это был гром среди ясного неба. Публика, естественно, заволновалась и кинулась на поиск справедливости: когда, почему, на каком основании? Но судебное начальство неожиданно поисчезало из своих кабинетов, а клерки ничего на сей счет пояснить не могли. Да и что тут было пояснять, когда даже малосведущему в процессуальных вопросах человеку было ясно: творится «что-то не то».

Вопросы для суда

Как должен был поступить суд после рассмотрения ходатайства Александра Сдвижкова об отводе председательствующего?

Четкий и однозначный ответ на этот вопрос дает статья 305 УПК («Порядок вынесения определений, постановлений в судебном заседании»). Согласно ей, по всем вопросам, разрешаемым судом во время судебного разбирательства, суд выносит определение (постановление), которое подлежит оглашению в судебном заседании. Определения на ходатайства об отводах даются в виде отдельных документов.

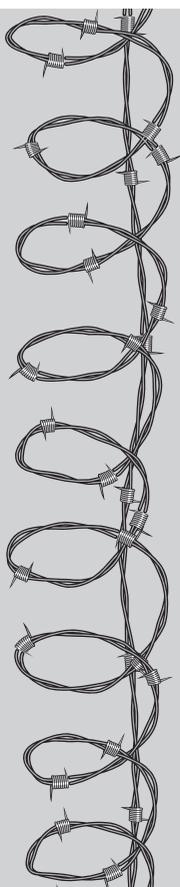
Излишне говорить о том, что любое подобное определение (постановление) суда должно быть

мотивировано и оглашено в судебном заседании публично. Фактически же это произошло в пустом (от публики) зале, при закрытых дверях. Никто, кроме участников процесса, не был ознакомлен с доводами судьи Р. Анискевича, никто не услышал возражений на отказ А. Сдвижкова и его защитника. Между тем, это могла быть интересная информация для журналистов, а потом — и для их читателей, зрителей, слушателей.

Таким образом, по решению милицейского прапорщика сотни, а то и тысячи, людей были лишены возможности воспользоваться плодами узаконенной гласности.

А что же предпринял для устранения этого грубейшего нарушения процессуальных норм председательствующий? Ведь возвращение после вынесения определения в пустой зал должно было его, по крайней мере, насторожить. Неужели было трудно спросить у секретаря судебного заседания, почему зал пуст, куда подевалась публика, куда разом исчезли все журналисты?

Не знаем, последовал ли такой вопрос. Зато был дан любопытный ответ, когда через некоторое время судья Р. Анискевич объяснялся (кстати,

по собственной инициативе) с возмущенными журналистами: **«Понимаете, я решил, что все разошлись...»**

Далее последовало то, что и должно было случиться: «посоветовавшись на месте», в пустом зале, судья определил, что ходатайство (видимо, прокурора) о необходимости рассмотрения дела в закрытом судебном заседании подлежит удовлетворению.

К сожалению, мы не можем ознакомить читателей с теми доводами, к которым прибегнул судья Р. Анискевич, вынося определение о переводе судебного процесса в закрытый режим. У нас нет возможности сообщить читателям и о том, как возражал на это «закрытие» журналист Александр Сдвижков, который остался один на один с судьей и прокурором.

Вот такую атмосферу судебного процесса создал бесконтрольный милицкий прапорщик. А может быть, и не он? Ведь тенденция к ограничению гласности разбирательств в судах наметилась у нас не сегодня и даже не вчера. Просто теперь это принимает все более откровенные формы, когда зачастую осознанно игнорируются законодательные установки.

С точки зрения пресловутой «целесообразности» всему можно найти объяснение. И здесь вполне применим простой метод расследования: ищи, кому выгодно. А точнее, невыгодно, чтобы «судебные тайны» становились общеизвестными.

Как гласность превращают в негласность

В судебной практике применяются два основных вида ограничения гласности: частичное и полное. К первому прибегают в тех случаях, когда нет даже формального основания объявить процесс закрытым. Наиболее часто эту форму используют при рассмотрении дел об административных правонарушениях после очередных «хапунов» участников массовых акций.

Самая простая форма ограничения гласности — рассмотрение дела в кабинете судьи, где может разместиться лишь пять-шесть человек. Для журналистов, представителей общественных организаций и других «заинтересованных лиц» мест обычно не хватает. Используется и недопуск «заинтересованных лиц» в помещение, где процесс уже начался.

В ряде случаев в зал заседания вводится сразу целая группа «административных правонарушителей». Их дела слушаются одно за другим. Попасть в зал кому-то «постороннему» практически невозможно.

Нечто подобное (с вариациями) применяется и в судопроизводстве по гражданским и хозяйственным делам. Особенно тогда, когда одной из сторон процесса являются журналисты или редакции независимых СМИ.

Однако чаще объявляются закрытыми процессы по уголовным делам. Обычно это происходит, когда на скамье подсудимых оказываются

государственные чиновники высокого ранга или когда от дела пахнет политикой.

Возвращаясь к «делу А. Сдвижкова», следует обратить внимание на несколько обстоятельств, которые, полагаем, помогут понять, почему слушания дела проводили в закрытом режиме.

«...Он не преследовал цель разжечь в обществе вражду...»

Мы не собираемся оспаривать приговор Минского городского суда по «делу А. Сдвижкова». Степень обоснованности этого судебного решения «измерила» кассационная инстанция — Верховный суд. Коллегия Верховного суда 22 февраля изменила срок назначенного Сдвижкову наказания с 3 лет до 3 месяцев ареста.

Мы же хотим высказать некоторые сомнения, зародившиеся до и в ходе процесса по этому шумевшему делу.

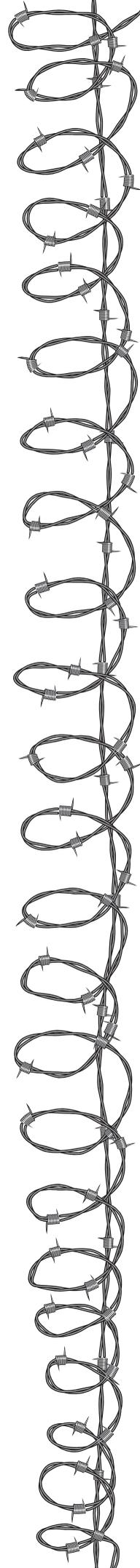
Первое и, пожалуй, главное: использовалось ли средство массовой информации (газета «Згода») для распространения информации, которая разжигала религиозную нетерпимость либо вражду?

Суду был известен факт, что тираж номера газеты «Згода» от 18 февраля 2006 года, где было перепечатано несколько карикатур на пророка Мухаммеда, вообще не попал к читателям. Поскольку этот тираж был сразу же «арестован» самими руководителями издания. То есть, говорить о каком-либо распространении информации было бы большим преувеличением.

С точки зрения закона можно предположить, что случившееся было лишь попыткой, покушением на правонарушение, предотвращенной главным редактором газеты А. С. Королем. Налицо если не исключающие, то основательно смягчающие вину подсудимого обстоятельства.

В контексте данного уголовного дела заслуживают особого внимания откровения главного свидетеля со стороны обвинения — председателя религиозного объединения «Духовное управление мусульман Республики Беларусь» муфтия Исмаила Вороновича. В интервью корреспонденту «Белгазеты» он, в частности, сказал следующее: *«Меня как руководителя духовного управления мусульман Республики Беларусь с этой публикацией ознакомил Госкомитет по делам религий и национальностей. Мне были предъявлены ксерокопии материала. Я вчитался в текст той статьи: автор, наверное, намеревался просто дать информацию, как эти карикатуры попали на страницы СМИ и как это было воспринято в странах, где были опубликованы карикатуры. Я так и на суде сказал, что цель журналиста была — ознакомить аудиторию с причиной мирового скандала, а не оскорблять чувства общины»* (см.: «Белгазета», № 3, 21 января 2008 года).

Получается, что руководитель белорусских мусульман даже не видел экземпляра-подлинника газеты «Згода», в которой были перепечатаны

Цветы свободы.
Председатель
ОО «БАЖ»
Жанна Литвина
 поздравляет
Александра
Сдвижкова

карикатуры. К тому же он не нашел в этой публикации ничего оскорбительного для мусульман.

Так кто же видел те номера «Згоды», которые, по мнению чиновников Госкомитета по делам религий, следователей госбезопасности, их коллег из прокурорского ведомства и, наконец, судьи Минского городского суда Руслана Анискевича, буквально всколыхнули всю белорусскую мусульманскую общественность?

Где отмечен хотя бы один (даже самый незначительный!) случай возникновения религиозной вражды или хотя бы неприязни, причиной которому послужила «згодовская» публикация?

Еще несколько слов муфтия Исмаила Вороновича из интервью «Белгазете»: «... Я понимаю, он (т. е. А. Сдвижков. — Авт.) не преследовал цель разжечь в обществе вражду этими публикациями. Тем более что были предприняты срочные меры (напомним, самим руководством редакции «Згоды». — Авт.), чтобы эти карикатуры не попали в руки читателей, и я сомневаюсь, что их кто-то видел».

Конечно же, не видел, многоуважаемый муфтий. О них в стране не было известно никому, кроме нескольких государственных чиновников.

Еще один аргумент

Предпринимая попытку разобраться в странностях «дела А. Сдвижкова», мы должны упомянуть еще одно обстоятельство.

Речь идет о том, что согласно статье 47 Закона «О печати и других средствах массовой информации» редакция, редактор и журналист не несут ответственности за распространение сведений, если они «являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено». (Фотоснимки и рисунки также подпадают под понятие «материалы».)

А если в законе записано так, то... У нас что, совсем перестали работать законы, регулирующие деятельность журналистов и средств массовой информации, и мы перешли в режим оценки их деятельности «по понятиям», то есть исходя из целесообразности текущего политического момента?

А теперь сложим воедино все те несуразности, которые окружают «дело А. Сдвижкова» и попробуем ответить на главный вопрос: так кому же было нужно раздувать информационный пожар вокруг происшествия, которое «поросло бородой» и не стоит выеденного яйца?

В одном из последних номеров опальной газеты «Новы час» (№ 6 от 18 февраля 2008 г.) авторы этой статьи высказывали осторожную надежду на то, что высшая судебная инстанция при рассмотрении кассационной жалобы А. Сдвижкова найдет аргументы если не для отмены приговора, то хотя бы для смягчения его жестокости.

Мы счастливы, что эта слабая надежда оправдалась.

Выступая перед будущими журналистами, Александр Лукашенко вновь высказался о СМИ. «В руках средств массовой информации, — сказал он, — оружие самой разрушительной силы, и они должны контролироваться государством». Не знаю, как поняли это откровение будущие журналисты. Я же, являясь журналистом не столько со светлым будущим, сколько со славным прошлым, поневоле ударился в воспоминания. Вспомнились мне заместитель главного редактора моей первой в жизни газеты и заметка о сельском учителе, которую я отнес

как тот «читает» на английском языке Шекспира, держа книжку вверх ногами. Но это так, частность...

В то же время по совершенно необъяснимым причинам страны, где журналисты всю гуляют на воле, не разрушаются и даже процветают. То ли журналисты там какие-то безоружные, то ли президенты, премьеры и законодатели беспечны, не понимают, какая над ними и их вотчинами нависла угроза...

Впрочем, что касается нашей страны, законодатели всегда начеку. Вот, к примеру, председатель парламентской

Сергей ВАГАНОВ,
www.nv-online.info

Страшная сила

ему на не гнущихся от волнения ногах. Спустя пару минут заметка вернулась ко мне, изодранная красным карандашом. Увы, я не знал еще, что слово «интеллигент» было у того зама под запретом...

Сейчас я думаю, что история подтвердила его правоту. Если бы журналисты не писали слово «интеллигент», а редакторы решительней раздирали красным карандашом несчастные страницы, не разрушился бы Советский Союз, все мы в довольстве и радости жили бы в большом коммунистическом государстве.

История, правда, знает и другие примеры разрушительного влияния СМИ. «В тоталитарном режиме печать является элементом режима и силой, находящейся у него на службе... Поэтому итальянская печать является полностью фашистской», — так в свое время откровенничал Бенито Муссолини, подтверждая справедливость философской истины о единстве противоположностей. Но, как известно, тотальный контроль над СМИ не помог Муссолини, как ни служили они ему верой и... Чуть не сказал «правдой», что было бы, наверное, явным преувеличением. Напротив, может, его режим потому и рухнул, что врал сам себе, народу и всему миру? Хемингуэй, помнится, попав в качестве журналиста на прием к Муссолини, заметил,

комиссии, напрямую причастной к законодательству о СМИ, убежден, что законы нужно поправить. «Мы, — сказал Юрий Кулаковский, — наверное, еще не дошли до этого, но это нужно делать. Журналист должен понимать, что меня, например, можно снимать в рабочем кабинете во время исполнения служебных обязанностей, но не надо снимать, когда я посещаю гастроном, и сообщать читателям, что я там покупаю».

Не знаю, кто «снял» нашего обиженного парламентария в гастрономе, но мне почему-то кажется, что для пользы и крепости государства очень важно знать, что он там покупает на денежки налогоплательщиков — наши денежки. Да и о сорвавшихся с цепи ценах лучше всего спрашивать, что называется, не отходя от кассы. Иначе откуда мы будем знать, чего стоит его служебное рвение в рабочем кабинете?

Так о чем же все-таки думали юные дарования, с открытым ртом внимавшие постулатам главы государства: оруженосцами себя мнили, разрушителями, за которыми нужен глаз да глаз? Или будущими пахарями на пропагандистской государственной ниве? И что, в конце концов, имел в виду президент, говоря о государственном контроле над СМИ в стране, чья Конституция запрещает не только цензуру, но и

монополизацию СМИ кем бы то ни было, в том числе государством?.. Интерес не праздный, законный, можно сказать, интерес.

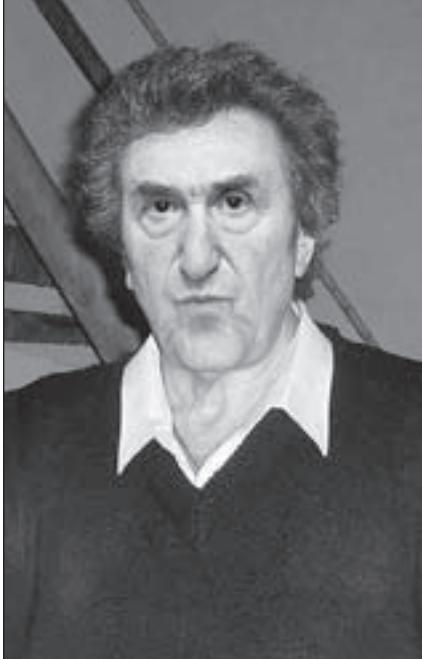
В какой-то мере его удовлетворил упомянутый законодатель. «Я считаю, — сказал он, — что более свободных средств массовой информации, чем государственные, нет. Мы прекрасно понимаем, что тот, кто платит, тот и заказывает музыку. Государственным СМИ не поступает специальных заказов кого-то «раскрутить» или кого-то облить грязью за конкретные конверты денег».

Если я правильно понял, журналисты государственных СМИ не получают зарплату ни в конвертах, ни без, питаются исключительно святым духом государственной идеологии, благородно отказываются, экономя наши кровные, от бюджетной поддержки, безудержно описывая и снимая бурную деятельность госчиновников в служебных кабинетах, в поездках с президентом по городам и весям, в интерьерах hi-tech, а также на полях очередной битвы за урожай...

А главное — эта невероятная свобода обеспечивается неуспешным контролем. Иначе проснется разрушительная сила, сначала «раскрутит», потом обольет грязью — ни в какие резервации уже не загонишь...

Страшная сила.

Его «гарики», подпольно распространявшиеся в самиздате, убедили миллионы советских граждан: «Все социальные системы — от иерархии до братства — стучатся лбами о проблемы свободы, равенства и бл...дства». За сатирические четверостишия он был прозван Абрамом Хайямом.

Наталья ПРОВАЛИНСКАЯ,
www.belgazeta.by

«С вышек спустились часовые»

— В минувший приезд вы говорили: «Я не знаю, как в Беларуси живут интеллигенты и все остальные, но зато читал в российской и американской прессе о том, что Беларусь является основным поставщиком вооружения Ираку». Что еще вы узнали о Беларуси?

— Больше, пожалуй, ничего не узнал. В этот приезд минчане просто потрясающие: я говорю, конечно, об интеллигенции. Этим замечательным людям явно живется очень непросто.

Тяжелее всего приход свободы, даже мнимой, для интеллигенции. Вчера, выступая на ярмарке, я рассказал такую историю. Предложил представить себе огромный лагерь, в котором 10 тысяч человек. И вот их всех построили для утренней проверки, начальник лагеря объявляет: «Свобода!»

Сначала толпа эков не верит, но вот с вышек спустились часовые, убрали собак... Кто первым оправился от шока? Конечно, лагерное начальство.

И вот уже выпускается газета «На свободу — с чистой совестью». И выпускает ее как раз тот, кто сильнее всех давил эков в лагере. Всякие охранники уже приспособились и растаскивают имущество, продавая оружие соседним деревням. И опомнились блатари и уголовники: они самые находчивые, быстрые и веселые, всегда были в контакте с начальством.

В этом проблема поколения, которое пришло к власти. В самом худшем положении — интеллигенция: она не привыкла воровать, убивать, искать лазейки. «Я другой такой

Игорь Губерман:

«Первыми опомнились блатари и уголовники»

страны не знаю, где так вольно, смиренно и кругом», — это и про Беларусь тоже, наверное.

Один мой друг в 60-е годы на спор угадывал в московской толпе со спины иностранца — по осанке, посадке головы. Сразу видно: свободный человек идет. А уж если забежишь вперед и в лицо ему заглянешь, — точно, иностранец: идет и лыбится!

Много ли на улицах Минска свободных людей? Много. Сейчас их много везде, независимо от климата. Хотя, думаю, в Таджикистане и Узбекистане их гораздо меньше.

Вообще, здесь есть масса очень интересных людей. Например, изумительный режиссер, сценарист, документалист потрясающего таланта, честности и мужества — Юрий Хашеватский.

— Вы оценили здешний культ чистоты?

— Делать из чистоты главную достопримечательность города нельзя ни

в коем случае, но чистый город — это очень приятно. Убранный город и уютные улицы — это замечательно, и для Израиля нехарактерно. Израиль — очень восточная страна, и во многих городах там довольно грязно, особенно в больших. В маленьких поселках гораздо чище.

— Обогадилось ли израильское общество интеллектуально притоком репатриантов из СССР, из Беларуси в частности?

— Чрезвычайно. Это очень заметно по количеству и успеху врачей, инженеров, ученых. Конечно, книги на белорусском языке в Израиле не издаются, по крайней мере, я об этом ничего не знаю. Община существует, совсем недавно в одном из городов Израиля я выступал как раз перед белорусской общиной.

Вчера выступал Михаил Гринберг, сам верующий человек, говорил о белорусских евреях, имена которых гремят по всему миру, — это руководители

общин, мудрецы, их книги расходятся миллионными тиражами ...

— *Кстати, беспокоит ли израильских евреев распространение исламизма в мире? В Англии зашла речь о том, что надо ввести законы шариама...*

— Чудовищно беспокоит, но я думаю, что Европа проснется очень нескоро, когда будет уже поздно: слишком много живет везде мусульман. Речь даже не об исламе (зачем же обижать древнюю и уважаемую религию?), речь о нарыве на исламе. Это явный террористический нарыв, но планета пока просто не видит, насколько это опасно для человечества. Израиль — совершенно очевидный форпост этой неминуемой будущей войны.

билет. Он переводит Василя Быкова на иврит, самый древний язык в мире.

— *Вы являетесь членом какого-либо союза писателей?*

— Я являюсь членом союза израильских писателей, русскоязычной секции. У вас два союза, но такое встречается повсеместно. В Москве, например.

Везде люди раскалываются по линии порядочности, отношения друг к другу и к вождям. Это не раздвоение литературного процесса, просто существует каста привычных лизоблюдов, обедносцев и одописцев.

— *Как вам удалось написать книгу «Прогулки вокруг барака» в лагере, при этом еще и со свойственным вам*

детельно надо запретить пародировать президента, потому что президент — это такой же символ, как и флаг» ...

— Президент — это реальное служивое лицо своей страны, никакой не символ. Как в Америке, это такой служащий, его выбирают, чтобы он всем руководил. Если он руководит плохо, его надо снимать. Если же он руководит недостаточно хорошо, его надо критиковать как угодно, чтобы он знал: есть СМИ, которые заметят малейшую его промашку, человеческую или управленческую. Это обычный служивый высокого ранга, и никаким символом страны он не является. Если это не великий человек.

Премьер-министр Черчилль является символом Англии, но он это заслужил. Во время триумфа в Риме Цезаря, с одной стороны, чествовали безумно, воздвигали арки. С другой — шли солдаты, которые пели про него похабные стихи, чтобы он помнил свое место: «Цезарь — похотливая скотина!»

Когда-то я написал: «Вожди дороже нам вдвойне, когда они уже в стене...» Это зависит от вождей и от страны. В мире существуют вожди, которые и при жизни хороши. Хотя в целом это я правильно сказал.

Каждый век появляется гнида неизвестного ранее вида. В XXI веке еще доживают гниды из прошлого века. Отношу к ним крупных исламистских деятелей террористического толка, а о наших говорить не буду. Людоедство — всегда людоедство. Как бы они ни готовили человеческие пупки или что-нибудь изысканное, вроде сердца, все равно это людоеды.

Еще учась в институте, я был ужасно счастлив, что Сталина вынесли из Мавзолея, и на радостях придумал древнеегипетскую поговорку: «Не в свою пирамиду не ложись!» Давно пора похоронить несчастного Ленина. У меня был стишок: «Не будет никогда порядка в доме, где есть непохороненный мертвец».

Вынесут ли с площадей Дзержинских и Лениных? Им открывают все новые памятники. На здоровье — чего уж тут! Великий польский еврей Ежи Лец сказал: «Снося памятники, сохраняйте постаменты — пригодятся».

— *Не намерены ли вы посетить «Линию Сталина» под Минском?*

— Любое положительное упоминание роли Сталина в войне — преступление

Игорь Губерман родился в 1935 г. в Харькове, где прожил восемь дней, после чего с мамой вернулся в Москву.

Окончил Московский институт инженеров транспорта, некоторое время работал в Башкирии машинистом. Уже в институте начал писать журнальные статьи, научно-популярные книги и фантастику, позже — «Гарики», короткие философско-сатирические стихи, распространявшиеся в самиздате.

В 1978 г. подал заявление на выезд из СССР. По ложному обвинению был приговорен к 5 годам заключения. Освободившись в 1984 г., уехал с семьей в Израиль.

Автор романа «Штрихи к портрету», мемуаров «Прогулки вокруг барака» и «Книга странствий», сборников «Гарики на каждый день», «Иерусалимские гарики», «Закатные гарики». Общий тираж изданных книг перевалил за 1 млн. экземпляров.

«Сорокина даже видеть не могу»

— *В рамках выставки-ярмарки можете оценить состояние современного книжного рынка?*

— У меня узок круг сегодняшних авторов. Белорусских я не знаю совсем, а русскоязычные есть замечательные — и в Израиле, и в России. Несколько человек я очень люблю. Например, прозу Дины Рубиной. Недавно у нас появилась удивительный прозаик Алекс Тарн, и одна его поразительная книга уже есть на ярмарке.

Сорокина я даже видеть не могу и не читаю, после того, как попробовал прочесть две-три его книги. Пелевина очень люблю, равно как и Акунина. Что такое Минаев, понятия не имею. Лимонова читал давно — это несерьезно.

Из вашей творческой богемы никого не знаю, но очень горд тем фактом, что посол Израиля в Беларуси стал почетным членом союза писателей, ему вручили членский

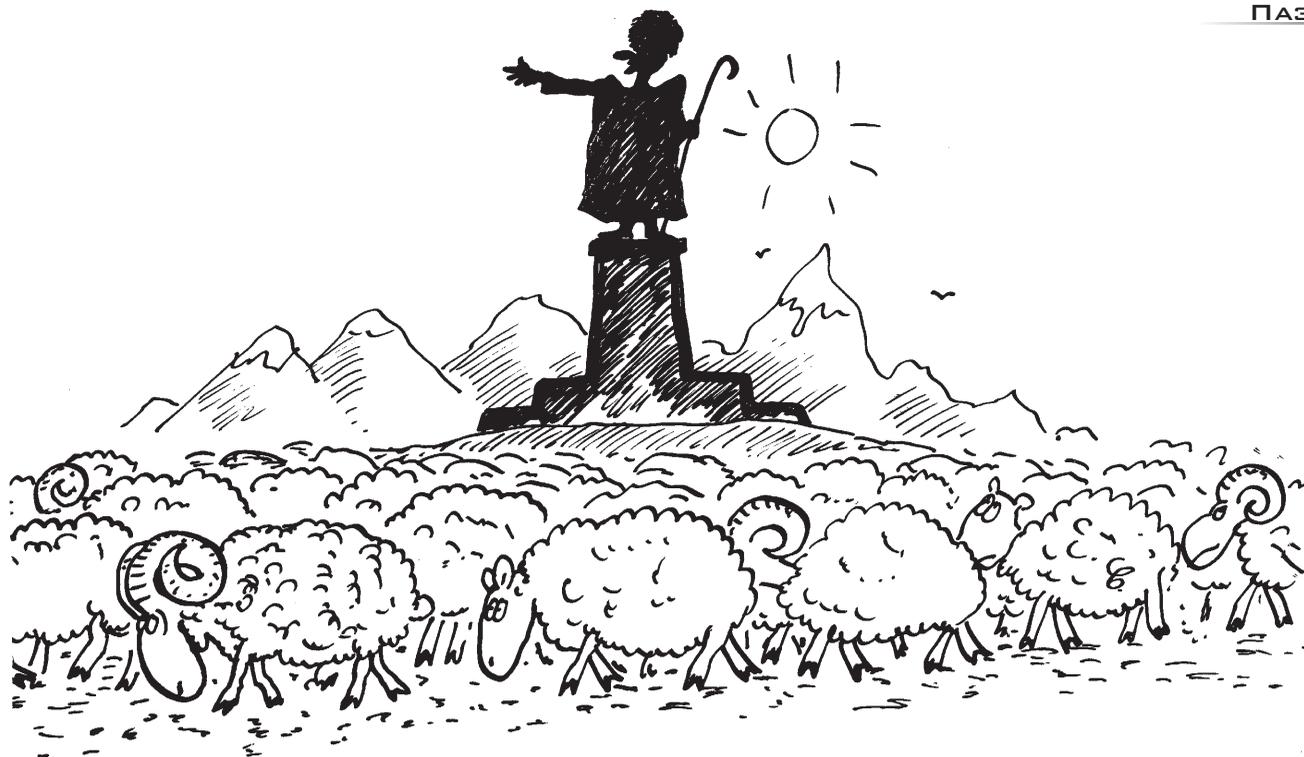
юмором, отсутствующим в немногочисленных книгах белорусских политзаключенных?

— У меня в лагере были друзья-блатные. Они устроили так, что, когда уходило начальство, меня запускали в санчасть, и я где-то до часу ночи писал заметки. Так вышла книга, а вынес ее вольнонаемный хирург, очень хороший человек, оставил у родителей в Красноярске. Я ее получил, когда вышел в ссылку.

Что касается юмора, то это психология автора. Если в книгах ваших авторов почти отсутствует юмор, это не означает, что у вас более грустные условия заключения. Не буду говорить, что белорусы не такие остроумные. Моя бабушка говорила: «Не обобщай — и обобщен не будешь».

«Яйца должны быть человеческие»

— *Как-то во время вашего выступления слушатель заявил: «Законо-*

против истории и правды. Сегодня появились новые историки, которые проливают свет на войну. Обратите внимание, что войну выиграл СССР, положив 28 миллионов. Немцы же, проигравшие войну, потеряли 6–7 миллионов.

Война была чудовищная, в значительной степени по вине Сталина, и вспоминать ее в хорошем контексте — преступление против истории и ложь. Необходимо хоронить, до сих пор затеряно полмиллиона непохороненных солдат. Это святое дело.

Но вспоминать по-хорошему Сталина в фильмах и «линиях» — это чудовищная глупость и подлость по отношению к убитым. А ваша пресса молчит.

— **А израильская пресса не стесняется в выражениях?**

— Настолько не стесняется, что невозможно вообразить. Иногда кажется: умерили бы они свою свободу и раскованность! Это не то чтобы навязчиво, но очень нагло: на профессию журналиста, саму по себе очень наглую, накладывают еврейские характер и темперамент, и это жуткое дело.

Свобода совсем без узды невозможна: нужен вкус. Он чудовищно важен во всем. В юморе — прежде всего. Как только вкус отпадает, начинается советский юмор, который сегодня течет по российским каналам. Не знаю, как у вас с этим?

— **Здесь вас что-нибудь насмешило? Или в Беларуси не до смеха?**

— В этом мире безумное количество смешного! Например, речи вашего президента в том виде, в котором мне их рассказывают, — это безумно смешно. Там есть замечательные фразы. Я удивляюсь, что до сих пор нет человека, который написал бы книгу. Уже есть такие сборники? Слава богу, такое не должно исчезнуть без следа, все эти «яйца должны быть человеческие».

«Моя фамилия — Х...берман»

— **Существуют ли байки и анекдоты, отражающие национальный характер еврея и белоруса?**

— Во время погрома булочника Хаима распяли на воротах его булочной. А когда погромщики ушли, к нему подошел сосед, который его любил, но боялся вмешаться, и спросил: «Хаим, тебе больно?» И Хаим ему ответил: «Только когда смеюсь».

Не припоминаю специфических баек о белорусах. Это феномен моей памяти: мне уже много лет.

— **К примеру, проект «Наша Белараша» пытается издеваться над устойчивыми штампами патристической пропаганды: «Наши озера настолько голубые, что мужчины опасаются ездить на пикник без женщин»...**

— Мне такой юмор не по душе. Я очень брезглив в этом отношении.

— **Как белорусская публика реагирует на ненормативную лексику?**

— Замечательно! Как и все залы в Америке, Австралии, Германии,

России, Латвии. Всем смешно, и это дело вкуса: находятся люди, которым не нравится, но они не уходят, что позорительно.

Олеша однажды сказал, что не видел ничего смешнее, чем написанное печатными буквами слово «ж...а». И во время концертов повторял, что многие люди, слыша такую лексику, страдают от богатства воображения. За словом им чудится процесс.

Например, домработница Утесова считала неприличным слово «яйца». И, приходя с рынка, говорила хозяйке, что купила огурцы, картошку, краснела и уточняла: «И два десятка... их».

Вчера меня дважды спрашивали про моржовый х...р. Даже выпускники биологических вузов России не знают, что у моржей х...р из кости. Мне товарищ специально привез в Сибирь, в ссылку с Камчатки очень большой замечательный экземпляр. Я часто вижу в музеях — у меня побольше будет. В коллекции. Чтобы я был такой же твердый, крепкий и стойкий. Девушка на таможне мне говорит: вывозить нельзя, это произведение культуры. Я отвечаю: это произведение, но не культуры. Она покраснела, но не разрешила. В итоге провез контрабандой: купил пять палок колбасы и между ними провез.

Настоящая неформальная лексика — только в русском языке в таком немислимом количестве. Но здесь же есть русский язык, а значит, и такие загибы. Кстати, по-голландски моя фамилия — Х...берман.

Кажуць, зараз «не час для сапраўднай літаратуры». Але кнігу Вольгі Іпатавай «Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба», што выдадзена не так даўно, у крамах ужо не знойдзеш. Письменніцы нязменна спадарожнічае чытацкі поспех. Кніга распавядае пра трох беларускіх святых, кананізаваных у Канстанцінопалі ў 1374 г. і вядомых як віленскія пакутнікі Іаан, Антоній і Яўстафій.

Вольга Іпатава: «Мы — не правінцыя, шэрая і бязрадасная»

— Вольга Міхайлаўна, вашы гістарычныя раманы пераносяць нас у далёкія-далёкія часы і ўспрымаюцца як драматычныя, вострасюжэтныя і пры гэтым вельмі актуальныя творы. Як вам гэта ўдаецца?

— Мае героі дасягнулі той вышыні духу, што пакідае нават цела нятыленым, людзі назвалі іх святымі, але спачатку кожны з іх веў звычайнае чалавечае жыццё — з прыгодамі, нечаканымі паваротамі падзеяў, побач з сучаснікамі, якія часцяком не спасцігалі сэнс нават свайго ўласнага існавання. І мне заўсёды цікава паказаць выбар, які кожны з людзей так ці інакш, часцей або радзей, але абавязкова робіць у сваім жыцці, часам нават зусім таго не заўважаючы. Вось і трое маладых прыдворных князя Альгерда, якія жылі ў паганскім, ці, як яшчэ кажучы, язычніцкім асяроддзі, зрабілі свой выбар на карысць новага вучэння — хрысціянства. І былі гатовыя заплаціць за гэты выбар жыццём.

Мне было цікава і важна апынуцца разам з імі ў старажытнай

Вільні і пабачыць сваю краіну ў вялікую эпоху ідэалагічнага, рэлігійнага злому. Пабачыць жанчын — пра некаторых з іх я магла б сказаць словамі Флабера: «Мадам Бавары — гэта я». Гэтак жа я — і Дзівейна, і Уна ці якасыці з іншых герайнў маёй аповесці. Праз іх сэрцы і вочы я ведаю тое, што адбывалася з любімымі мужчынамі ў сітуацыі іх выбару. Мы з вамі таксама апынуліся на падобным злеме — калі распаўся СССР. І таксама рабілі свой выбар — толькі, вядома, не ў такой ступені і не ў такіх абставінах. Да таго ж, падаецца, наш выбар быў хутчэй вонкавы, чым духоўны.

— Вольга Міхайлаўна, за кожным радком вашых гістарычных аповедаў — і цяперашняга, і аповесці «Прадслава» пра святую Еўфрасінню Полацкую — адчуваецца глыбокае вывучэнне архіваў, хронік...

— У гістарычным творы, аднак, нельга абысціся аднымі фактамі. Бо на старонках летапісаў застаюцца толькі імёны ўладароў або вялікіх ваяроў, і

гэта пераважна мужчыны. Імёнаў жанчын у хроніках зусім мала. Амаль няма згадак і пра так званых «простых» людзей. Але ўладары ў маіх раманах і аповесцях заўсёды ідуць нібыта «другім планам», на першым я стараюся паказаць звычайнага чалавека, якога нясе за сабою плынь падзеяў і без якога гісторыя проста не было б. Безумоўна, я імкнуся знайсці сапраўднага героя, але, калі яго няма, — ствараю яго на аснове дакументальных сведчанняў — тых, якія захаваліся ў музеях і ў летапісах. Акрамя таго, письменнік (як і кожны чалавек) здольны ўваходзіць у энергаінфармацыйнае поле Зямлі і «счытваць» інфармацыю з прадметаў адпаведнага часу. Нездарма музей лічыцца музеем толькі тады, калі ў ім ёсць сапраўдныя дакументы і экспанаты, а не копіі і муляжы, хай сабе зробленыя гэтак, што не адрозніш ад сапраўдных.

— Нас проста завальваюць кніжкамі-аднадзёнкамі. Выдаўцы, вядома, хочуць зарабляць, выпускаючы тое, што

народ «з'есць». Ці цяжка выдаць кніжку для чытача, які думае, а не «загынае»?

— У кожнага з нас была (і ёсць) магчымасць падацца спакусе і друкаваць тое, што, як вы кажаце, «ядуць» і што дасць магчымасць і самім аўтарам не застацца галоднымі. Некаторыя падаліся, зляпалі нямала раманаў пад чужымі прозвішчамі, зарабілі грошы, пра якія марылі. І ўсё ж, на мой погляд, тут ёсць адно «але». Талент — гэта дар з неба. Згадайце пушкінскае: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»... То бок гэта «свяшчэнная ахвяра» — такая ж, як, скажам, дар лекавання. Але калі лекар стане працаваць не дзеля паратунку чалавека, а выключна дзеля грошай, дар яго пакіне. Письменник, як правіла, неўзабаве «выдыхаецца», ператвараецца ў рамесніка. У творчасць трэба ўкладаць душу — і, калі чытач ацэніць укладзенае ды твае намаганні ў класці, гэта ўвогуле дарунак лёсу.

З выдаўцамі справа больш складаная. Яны якраз і баяцца рызыкаваць, ім спакойней друкаваць «чытву». Паўголыя прыгажуні і мужныя мачо на вокладцы даюць гарантыю, што кніжка разыдзецца лёгка і беспраблемна. Не ўсе хочучы вярэдзіць мазгі, разбіраючыся ў гістарычных і псіхала-

Я пішу для «нямногіх», спадзеючыся, што з цягам часу іх стане больш.

гічных лабірынтах. Але я пішу для «нямногіх», спадзеючыся, што з цягам часу іх стане больш. І іх сапраўды прыбывае, хоць і паволі. «Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба» разышліся нашмат лягчэй і хутчэй за ранейшую трылогію «Альгердава дзіда». «Свайго» выдаўца я не шукаю, спадзеючыся, што ён (або яна) прыйдзе да мяне, калі нешта выпее ў прасторы. Патрэбная інфармацыя або дапамога прыходзіла да мяне заўсёды — калі я ўмела чакаць. А чакаць я ўжо навучылася. Гэта, вядома, не значыць, што і працаваць не трэба — не, якраз усё прыходзіць своечасова пры дзвюх умовах: калі думкі ў цябе чыстыя

і калі ты не сядзіш склаўшы рукі. Пра дзяржаўную падтрымку сёння і казаць не даводзіцца. Сітуацыя з літаратурай у нас вельмі складаная.

— Мабыць, таму вы пабывалі ці не ў кожным беларускім райцэнтры, сустракаючыся з чытачамі?

— Так, я лічу сваім грамадзянскім абавязкам распавядаць людзям пра гераічную і высокадухоўную мінуўшчыну Беларусі, натхняць іхнія душы Літаратурай, уздымаць да разумення, што кожнаму ў жыцці даецца свая касмічная задача і яна не можа палягаць у тым, каб чалавек з'еў энную колькасць абедаў і знасіў энную колькасць гарнітураў. Сваю задачу трэба разгадаць — і яна заўсёды бывае высокая і гуманная. Бо чалавек — гэта сапраўдны цуд, у ім усё «Царства Божае», толькі трэба, каб ён пра гэта даведаўся і не забываўся на тое.

А гісторыя Беларусі... У ёй — і высокія жарсці, і подзвігі, і інтрыгі, і характары. Мы — не правінцыя, шэрая і бяспраблемная. Вазьміце толькі аднаго Альгерда — вялікага князя ВКЛ тых часоў, калі беларуская мова была дзяржаўнаю. Чаго варта, напрыклад, адна толькі бітва на Сініх Водах у 1362 г., калі былі разбітыя аб'яднаныя сілы трох татарскіх царэвічаў, што пагражалі нашым паўднёвым межам! Я напісала пра гэта ў рамана — і раптам знайшоўся энтузіяст, беларускі ўкраінец Уладзімір Цімашэнка, чый бацька-настаўнік усё жыццё збіраў матэрыялы пра гэтую бітву. І вось цяпер ва Украіне ўжо рыхтуецца цэлая акцыя ўвекавечвання гэтай гістарычнай падзеі, мы разглядаем праекты помніка, стварылі нават «Гісторыка-геаграфічны цэнтр імя князя Альгерда» пры Інстытуце гуманітарных і экалагічных тэхналогій, усё гэта з ініцыятывы неўтаймоўнага Цімашэнкі.

— Вольга Міхайлаўна, ведаю, што вы з вялікай спагадай ставіцеся да маладых літаратараў, стараецеся дапамагаць ім. Якою вы бачыце будучыню беларускай літаратуры?

— Я гляджу на гэтую будучыню з аптымізмам, хоць падставы вельмі хісткія. Талентаў у нас багата, але куды пойдзе ўсё гэтае агонь маладых сэрцаў, на сцвярдзэнне чаго — незалежнай краіны, якая дбае пра нацыянальную мову і літаратуру, або міфаў пра нейкую адзіную нацыю, — я не ведаю. Магу толькі спадзявацца, што радасць і цяжар любові да сваёй радзімы — любові трапяткой, ахвярнай, назапашанай нашымі продкамі, далёкімі і блізкімі, — збіраўся нездарма. Бо колькі надзеяў, колькі выгнанняў, колькі жыццяў, пражытых у няздзейсненых спадзяваннях! Чаго варта толькі гісторыя эміграцыі мінулага, ды ўжо і цяперашняга стагоддзяў! Нават гэтыя аўтары, іх духоўная спадчына: кнігі, творы мастацтва і г. д., — яшчэ не вярнуліся да нас у поўным аб'ёме. Так, яны вяртаюцца, але зноў жа не з дзяржаўнай волі, а намаганнямі энтузіястаў.

— За апошнія гады вы правялі багата сустрэчаў з замежнымі беларусамі. Як яны ўспрымаюць нашу краіну? З чым (або з кім) у іх асацыюецца Беларусь?

— Для замежных беларусаў сённяшняя Беларусь яшчэ не стала той радзімай, пра якую яны марылі і марачы ў выгнанні. Шмат хто з цяперашніх эмігрантаў пакінуў краіну дзіцем або падлеткам, але яны гатовыя сюды прыязджаць, дапамагаць сваім досведам і сваёй любоўю. Ці гатовыя мы іх прыняць? Прымаць ці хоць бы слухаць іхнія парады аб тым, «як нам уладкаваць Беларусь»? Тым, хто жыве тут, здаецца, што яны самі ведаюць адказы на ўсе пытанні...

— Вы былі першай і пакуль што адзінай жанчынай — старшынёй Саюза беларускіх пісьменнікаў (колішняга Саюза пісьменнікаў Беларусі). Вас не стаміла чыноўніцкая пасада?

— Гэтая «пасада» ніколі не была сапраўды чыноўніцкай, інакш на яе б «спіхвалі» абыкаго, а за такіх пісьменнікі ніколі не стануць галасаваць. Вядома, я аддала нямала сіл і намаганняў не на сваю творчасць, а на прапаганду ўсёй нашай беларускай літаратуры, а значыць, служыла

грамадству і сваёй краіне. Я ўвогуле ўсё, што раблю, сувымяраю з набыткам найперш для грамадства — гэтак мяне выхавалі, і я ніколі не шкадавала сябе. Ахвярнасць, аддача сябе вялікай справе — закон касмічны. Бо нават у чалавечым арганізме ёсць вырак клеткі, якая жыве толькі дзеля сябе, — гэта ракавая клетка. Яна мношчыца, не лічыцца з астатнімі, з агульнай праграмай — і ў канчатковым выніку ўсё адно прайграе, бо забівае арганізм, у

Чалавек — гэта сапраўдны цуд, у ім усё «Царства Божае», толькі трэба, каб ён пра гэта даведаўся і не забываўся на тое.

якім жыве. Мне здаецца, што ў чалавечым грамадстве — гэтаксама. Але ёсць Вялікая Справа і сэнс, які ты ў яе ўкладаеш.

Усё было — і здрада сяброў, і няміласць улады, і баязлівыя вочы ўчарашніх папалечнікаў. Але адначасова і падтрымка тых, на каго я не спадзявалася. І спагада — асабліва жаночая. Мне вельмі папшасціла, што муж аддана дапамагаў мне ў працы, і гэтыя цяжкія гады яшчэ больш нас зблізілі.

Касмічна Інь (жаночы пачатак) і Ян (мужчынскі) абсалютна роўныя. Даўней, калі кітайскага імператара паланіла хвароба, яго найперш аглядалі жрацы Інь і Ян, і лекаванне пачыналася з аднаўлення

якраз гэтай раўнавагі. Але і цяпер у літаратуры трэба зрабіць прынамсі разоў у пяць больш за

мужчыну, каб цябе хоць бы прызналі за роўную...

— **Калега-журналіст Аляксандр Тамковіч у кнізе «Жанчыны» вымусіў ці здолеў угаварыць вас распавесці пра нялёгкае дзяцінства: рана памерла мама, ад мачыхі вы перабраліся да бабулі, пасля — у дзіцячы дом. Ліха спрабавала кіраваць вашым лёсам, але перамагла дабрыня?**

— Мяне нібы вяла праз жыццё нейкая сіла — я заўсёды адчувала яе прысутнасць. Заўжды верыла,

што далей усё будзе лепш. Нават тады, калі дзесяцігадовай, наплакаўшыся пасля чарговых прычэпак мачыхі, я ўпарта глядзела на Месяц і прасіла, каб ён мяне забраў. У мяне была злая мачыха, так, але затое незвычайна добрая бабуля Волга, у якой я жыла толькі тры гады. Але гэта і было маё сапраўднае дзяцінства: з неабдымнай сінечай возера, з першай пралескай у бліжнім лесе, з хрушчамі, якія гулі ў вечаровай цішы і сядалі на раскрытую далонь... Там, у глухой вёсцы,

я ўпершыню перажыла незабыўнае пачуццё сваёй адкрытасці свету і поўнага зліцця

з ім. У японцаў гэты стан экстазу або захаплення ад растварэння сябе ў прыродзе завецца «саторы». А аднойчы раскрыўшыся свету, ты не дапусціш раз'яднання з ім, не будзеш хавацца ў каменны або іншы кокан...

Жыццёвы поспех для мяне — не ў грошах і не ў прызнанні, хоць яны вельмі цешаць уласнае «эга». Чым старэйшая я раблюся, тым больш разумею, што неўзабаве (няхай, вядома, гэта здарыцца як найпазней) я з усім гэтым развітаюся — з любімымі карцінамі, з домам, з дрэвамі, якія я пасадзіла і якія пачнуць даваць плады яшчэ не хутка. Усе яны мяне перажывуць. Што ж

Магу толькі спадзявацца, што радасць і цяжар любові да сваёй радзімы — любові трапяткой, ахвярнай, назапашанай нашымі продкамі, далёкімі і блізкімі, — збіраўся нездарма.

застанецца для іншага вымярэння, куды ўсе мы сыходзім? Толькі тое, што тут набрала душа і што мы вымерыць не можам: любоў, вышыня духу, творчасць. І вось гэта я пачынаю цаніць у іншых усё больш і больш. Над сваімі кнігамі я ўжо не маю ўлады: яны жывуць сваім уласным жыццём, і, магчыма (магчыма!), іх будуць чытаць і пасля мяне — калі ў іх укладзена дастаткова любові, таленту і энергетыкі.

Гутарыла Аксана ЯНОЎСКАЯ

Dolce Vita в беларуском варианте — сладкая жизнь за чужой счет. Страна на глазах впадает в патологическую кредитную зависимость. Второй год подряд она хватается все предлагаемые и не предлагаемые ей деньги, похоже, не вполне отдавая себе отчет в том, чтохватила лишнего и что деньги придется возвращать. Или не придется?.. Или не деньги?..

Беларусь

Купи слона!

«Купи слона!» — «Зачем он мне? Огромный! Ест много!» — «А двух за ту же цену?» — «Веди!»

Белорусские власти пытаются особую слабость к тому, что достается на льготных условиях. Приняв в декабре от Москвы 1,5 млрд. долларов на 15 лет с пятилетней отсрочкой возврата по ставке LIBOR+0,75% годовых (по сути, финансовая помощь), они уже созрели для усвоения двух следующих миллиардов. При этом министр финансов Николай Корбут, констатируя «стабильность сегодняшнего нашего финансового положения, и на ближайшую перспективу — тоже», почему-то говорит о необходимости «активизировать работу по изысканию дополнительных источников пополнения бюджета». А его заместитель Андрей Харковец грезит: «Если бы условия первого российского кредита сохранились и в отношении нового — было бы замечательно».

Да, кредит — затягивающая штука. Особенно туго затягивает он спустя несколько лет, когда неререформированная экономика

Елена НОВОЖИЛОВА,
экономический
обозреватель
компани БелаПАН
(интернет-издание
«Белорусские новости»)

не позволяет оплачивать счета. Впрочем, как напоминает экс-глава департамента внешнего долга Минфина России Андрей Черепанов, обычно белорусы вовремя не возвращают кредиты, выдвигая встречные претензии к России, либо возвращают, получив новые.

Внешний государственный долг страны пока относительно невелик — около 2,2 млрд. долларов, что и позволяет без особых усилий уговаривать кредиторов. Но показательно, что минувшей осенью его лимит был предусмотрительно увеличен с 2 до 4 млрд. долларов, а в законе

о бюджете-2008 — и вовсе до 6 млрд. Совокупный же долг белорусской экономики перед миром, включающий также обязательства здешних предприятий и банков, нарастет, как снежная лавина, давя всей своей массой на платежный баланс: общие внешние долги страны на 1 января 2008 года составили около 12 млрд. долларов. Еще в начале 2007-го это были 6,7 млрд. Удвоение за год! Именно эта тенденция представляет угрозу, особенно с учетом того, что более 3/4 заимствований — краткосрочные. На обслуживание внешнего долга экономике придется затратить нынче в 4,2 раза больше, чем в 2007-м.

В самые большие долги залезли коммерческие банки. Правительство, не приученное из-за дотаций России считать деньги, продолжает требовать от банков дешевых кредитов для

В ломбарде

убыточных и низкорентабельных предприятий. До 90% рисков в совокупных банковских активах сегодня приходится на кредитные риски.

Осознавая всю неприятность ситуации, Нацбанк пытается найти альтернативные пути получения валюты, активно лоббируя проект постановления о создании внутреннего рынка ценных бумаг.

Но при хронически хворающем счете текущих операций Нацбанку следовало бы прежде всего умерить аппетиты на кредитование производственных программ и еще больше снизить темпы роста денежной массы. Иначе обуздать инфляцию, показатель которой за 2007 г. правительство провалило вместе с показателями внешней торговли, едва ли удастся. Однако последние заявления Петра Прокоповича о его готовности к новым рекордам тревожат: «В этом году перед нами стоят еще более сложные задачи по наращиванию объемов кредитования экономики: на 1 января 2009 года требования банков к экономике должны составить не менее 42,9 трлн. рублей, то есть увеличиться на 12,5 трлн. по сравнению с 1 января 2008 года — прирост 41% в течение года». По его словам, «такого быстрого и мощного наращивания кредитования экономики мы еще никогда не имели», как не имели и такой «глобальной задачи» — обеспечить рост ВВП на 11%. Кроме того, глава Нацбанка полон решимости за ближайшие три года удвоить золотовалютные резервы (ЗВР), пополняющиеся, в том числе, за счет государственных займов.

В бюджете на этот год предусмотрено выделение 320 млрд. рублей на удешевление кредитов, но уже сейчас заявки предприятий значительно превышают эту сумму.

Свои проблемы экономического роста Минск упрямо решает чужими деньгами. При этом конкретные планы использования привлекаемых госкредитов не разглашаются. То Петр Петрович рассказывает,

как эти средства лежат на счетах зарубежных «супернадежных банков», принося стране доход, то тут же сообщает об их превращении в инвестиции для промышленности. И не стоит даже обращать внимание на такое «пустяковое» обстоятельство: кредит канючили-просили у Москвы для покрытия расходов на энергоносители.

Ключевой вопрос теперь в том, как распорядиться полученными средствами. И тут возникает проблема: может ли действующая белорусская экономическая система правильно использовать деньги, а не употребить их на поддержание штанов, не проесть, переложив выплату долгов на плечи следующему поколению?

За счет чего будем расплачиваться? На этот вопрос от чиновников не услышишь даже вариантов ответа.

Внешняя торговля здесь не помощница — торговый баланс страны в глубоком минусе. Если так дело пойдет и дальше, Беларусь будет вынуждена продолжать занимать деньги за рубежом, и к 2011 году ее внешний долг может превысить 50% госбюджета. Набираемые миллиарды экономика не оработает. И может случиться так, что придется отдавать собственностью, если больше нечем.

Процесс идет...

Первым делом будет сброшен балласт — убыточные предприятия (их сегодня около 1,5 тысяч), вытягивание которых государство оставит инвестору, и в нагрузку — перечень социальных обязательств, как было с доставшимся австрийцам «Мотовело».

Параллельно, если наклонится выгодная сделка, возможны «выстрелы» с высоколиквидными и стратегическими активами. «Небольшие предприятия работают эффективнее, чем валообразующие. Если мы раньше уповали на крупные предприятия, то сегодня видим, что их возможности ограничены, им нужны существенные капиталовложения», — описала очевидную метаморфозу замминистра экономики Татьяна Старченко.

Вот-вот в стране начнется второй акт приватизационного балета. Первый хотели показать в 2007-м, сразу после радикального повышения цен на энергоносители, но зрители его не увидели — изначальная оторопь правительства перед новой нефтегазовой реальностью прошла. Тогда, согласно спешно сколоченному Минэкономики документу, скорой продаже подлежали государственные доли практически всех ключевых заводов страны. В этом году Госкомитет по имуществу вновь подготовил список подлежащих акционированию предприятий и возможных продаж пакетов их акций. Причем, как отмечают чиновники, в промышленном производстве, требующем больших инвестиционных затрат, «нужно говорить об эффективном собственнике, владеющем достаточными финансовыми и трудовыми ресурсами, рынками сбыта».

Совместно с Нацбанком правительство спешно готовит почву для иностранного капитала, штампуя документы, сулящие налоговые и прочие привилегии инвесторам. Правда, улучшенный инвестиционный климат распространится лишь

на райцентры, села да агрогродки.

В любом случае спрос на белорусские активы есть. Переговоры со стратегическими инвесторами сейчас активно ведут «пищевики», банкиры, приходят «стратеги» и в телекоммуникационный сектор...

Доминирование госсобственности в Беларуси традиционно объясняли необходимостью защиты людей от тягот перехода к рынку. Теперь государство, не смущаясь, избавляет себя от защитных функций, однако расставаться со своим добром не спешит, держа приватизационные планы в строгом секрете.

Остается неизвестным, обещан ли России в обмен на низкие газовые цены на текущий год и стабилизационные кредиты доступ к белорусским активам. Ряд аналитиков не исключает, что в декабрьском кредитном соглашении есть пункт об имущественном залоге и что следствием обильных займов станет массовая приватизация. По одной из версий, Москва настаивала на том, чтобы деньги выделялись под залог имущества. Таким залогом должны были стать 30% акций «Белтрансгаза». И в случае возникновения проблем с погашением «Газпром» в дополнение к тем 50% акций, которые должны перейти к нему по контракту, получил бы еще 30%, а вместе с тем — контроль над здешней газотранспортной системой.

Исходя же из официальных планов Минфина на текущий год, предусматривающих «поступления от реализации принадлежащего государству имущества, в том числе акций» на сумму 640 млн. долларов (из них \$ 625 млн. газпромовских за порцию «Белтрансгаза»), масштабных продаж Минск якобы не намечает. Совершенно очевидно, что ориентироваться на открытые данные ведомства Николая Корбута особого смысла нет. Исходя только из сообщений Госкомимущества, сделки предполагаются, просто Минфин не считает нужным

посвящать «посторонних» в эти планы. Продажа предприятий в Беларуси проворачивается по неписанным правилам. С какими предприятиями расставаться, а какие сердцу любы, — решает лично президент. Он контролирует все сделки с собственностью на сумму, превышающую 10 тыс. базовых величин, а любое движение акций подконтрольно его Администрации.

И все-таки аналитики склоняются к тому, что приватизацию будут двигать не желания Александра Григорьевича и его громкие высказывания об «абсолютном бреде» — так глава государства отозвался о возможности расплаты за набранные кредиты высокоприбыльной госсобственностью, — а форс-мажорные обстоятельства.

Пока президент может позволить себе браваду: в краткосрочной перспективе ситуация стабильна, и власти неспешно ведут разведочные работы с претендентами на роль стратегических инвесторов. И хотя в ближайшем будущем системного реформирования собственности в стране не случится, скорее всего, придется кое-что продавать из стратегических активов. Так, в ноябре минувшего года, встречаясь с руководством «Газпрома», первый вице-премьер белорусского правительства Владимир Семашко предложил российскому концерну инвестировать в предприятия «Березовская ГРЭС» и «Гродно Азот». Одному только «Гродно Азот» сегодня нужно более 1 млрд. долларов инвестиций, и, если к 2011 году цена на газ для Беларуси будет доведена до европейского уровня, самостоятельно «поднять» свою инвестпрограмму этому предприятию, как и многим другим, будет не под силу. Всего же на модернизацию производства в ближайшие годы стране потребуется, как минимум, 5 млрд. долларов ежегодно — у правительства практически не остается пространства для маневра.

После «Гродно Азот», прогнозируют эксперты, в очередь встанет Мозырский НПЗ, косвенно уже принадлежащий «Газпромнефти», а следовательно, «Газпрому». При обсуждении цен на 2007 год, как известно, «Газпром» предоставлял возможность белорусской стороне подключить к оплате газа активы предприятий. В их числе назывался и Мозырский НПЗ.

Есть еще «Нафтан», «Полимир», Гомельский химический...

Под залог топора

Вплоть до последнего времени белорусские власти культивировали в народе образ инвестора как главного внешнего врага. Он, если верить президенту, «хочет бесплатно прихватить предприятия, которые мы поднимали в 1990-е годы за счет нашего благосостояния — недоедали, недосыпали».

Первыми на «вражескую» милость пожелали сдать местные банки. Эта сфера сейчас в наибольшей степени открыта, здесь уже активно идет движение по сделкам слияний и поглощений. В прошлом году российский капитал получил контроль над белорусскими «Белвнешэкономбанком» и «Славнефтебанком», в 2008-м ожидаются новые соглашения с участием немцев, россиян, китайцев, иранцев. Вот-вот сюда придут украинская и польская группы.

Даже государственные банки сегодня открылись для иностранного участия. Правда, в текущей пятилетке продавать инвесторам контрольные пакеты в них государство не собирается. По словам Петра Прокоповича, на первом этапе в четырех госбанках: «Беларусбанке», «Белагропромбанке», «Белинвестбанке» и «Белпромстройбанке», — будет предлагаться покупка 10%, 15%, 20% акций, а в дальнейшем решения будут приниматься, исходя из результатов работы инвесторов.

Вслед за банковским капиталом действенный интерес к

местным активам стал проявлять и страховой. Завершена сделка по продаже 100% акций «Аль-ВеНы» (9-е место в рейтинге белорусских страховых организаций) российской «РЕСО-Гарантия». Это второе местное приобретение «россиянки» после покупки в 2000-м 83% компании «Бролли». Есть сведения, что россияне также претендуют на покупку половины акций крупнейшей частной страховой компании Беларуси «Би энд Би иншуренс Ко».

Одним словом, спрос на белорусские предприятия имеется. Сейчас переговоры со стратегическими инвесторами активно ведут местные «пищевики». Но основной вопрос упрется даже не в национальную привычку десятикратно накручивать стоимость «товара» для инвестора, а в нежелание Минска выпускать из своих рук рычаги управления — контрольные пакеты акций.

Раскрывая как-то украинским журналистам секреты успехов белорусской экономики, президент в качестве примера отказа от тотальной приватизации привел бобруйскую «Белшину». По его словам, за нее еще пять лет назад инвесторы предлагали 40 млн. долларов, однако получили отказ, а сегодня стоимость предприятия уже около 1,2 млрд. долларов. «Но мы не собираемся его и сейчас продавать», — добавил Лукашенко.

Как хлестко, но метко сказал Леонид Заико, коль правительство не изменяет принципиально свою экономическую политику, значит, оно «не очень-то въезжает в то, что может происходить в экономике в 2008 году».

Это как в анекдоте про крестьянина, отправившегося просить рубль в долг под залог топора. Дали ему рубль под проценты — топор забрали, а рубль пошел в уплату «тела кредита». Возвращается крестьянин домой, размышляя: «Что за ерунда? Рубля нет, топора нет, еще рубль должен... И главное: все правильно!»

Photo.bymedia.net

Леонид ЗАИКО

Карл Маркс не умер. Он живет в Беларуси, но находится в процессе перерегистрации. Вместе с Фридрихом Энгельсом.

Конечно, Энгельс — крупный бизнесмен. У него предприятия «легпрома», кое-какая собственность. Это — там, в условиях отживающего строя. «Там» у них дела идут хорошо, несмотря на противную брюссельскую демократию.

Отрешение от дела

Призрак капитала — наш призрак

Иначе — в Беларуси. Фридрих, будучи предпринимателем, точнее, научным бизнесменом «без образования юридического лица», использовал наемный труд безработного Карла Маркса. И они успешно создавали разные проекты. Все знают эти предпринимательские продукты: «Научный социализм», «Капитал», «Экономическое и социальное равенство». И многое другое.

Но в Беларуси Марксу и Энгельсу сейчас приходится туго. Почему-то с 2007 года правительство, учившееся по «Капиталу» и его унылым вариациям в СССР, прижимает Карла и Фридриха «к ногтю». Делает из них новых белорусских капиталистов. С унитарным лицом и запутанной бухгалтерией.

Судя по всему, Марксу и Энгельсу придется официально

оформить брак. Или зарегистрировать юридическое лицо. Это необходимо сделать только в Беларуси. Не хочешь — эмигрируй. Уматывайся — и броди в виде призрака по Европе.

Глупейшая атака на мелкое и инициативное белорусское предпринимательство отражает коллизии власти. Отражает и конкуренцию внутри номенклатурного капитала. Он явно не стагнировал при всей нелюбви Александра Григорьевича к нашим деловым людям. Рос и крепчал этот новый белорусский капитал. С разными добавками и синтетическими наполнителями. Из восточных и азиатских рыночных полей.

Что было странно для патриотов страны. Такие у нас есть, и они стране нужны. Нужны обществу в целом и каждому белорусу в отдельности. Ибо независимость — это не только дорогой газ и собственные трубы. Независимость — это самостоятельность нашего капитала и

национальные интересы предпринимателей страны. Включая и «индивидуалов». Мелких предпринимателей, которые оказались в эпицентре атаки на национальный белорусский капитал.

Почему это произошло? В чем заключаются мотивы уничтожения мелкого частного капитала Беларуси? Именно того капитала, который ежеминутно, ежечасно порождает капитализм?

Об этом подробно говорил один из классиков новой экономической политики СССР. Говорил давно, но — чистую правду.

Вопрос в деньгах и экономической власти. В усилении экономического монополизма и лоббистских групп вокруг власти. В стране хорошо работает внутренний потребительский рынок, пошли большие деньги — и лоббисты стали воздействовать на власть. А власть, похоже, в растерянности: что происходит? Что будет в итоге? Кто придет к экономической власти в стране?

Наши успехи подталкивают лоббистов. Особенно то, что в 2007 году домашние хозяйства страны взяли курс на продолжение роста благосостояния, несмотря на ограничения со стороны энергетических факторов и увеличение выплат в пользу России на 2,5 миллиарда долларов в год.

Население пока не испытывает последствий новой внешней ситуации. Увеличение реальной заработной платы составляет 10%, что выше прироста ВВП. Количество купленных автомобилей выросло в первой половине 2007 года на 37,8% (по итогам года — 28%), что показывает реальное положение дел: набирает силу четвертая потребительская волна (недвижимость, автомобили). Ажиотажно развивается строительный рынок.

Конечно, увеличение емкости внутреннего потребительского рынка до 16–17 миллиардов годовых продаж возбуждающе действует на новые группы интересов. Если загнать только торговлю под крышу гипер- и супермаркетов, то ½ рынка получаешь автоматически. Это — 8 миллиардов. А в перспективе — свыше 10 миллиардов денежных потоков страны.

Между тем, самый выгодный нефтяной бизнес дает возможность «прокручивать» всего около 6 млрд. долларов ежегодно.

Так что ситуация изменилась в пользу торговли на внутреннем рынке. В пользу присвоения части доходов населения через механизмы торговли. Без лишних слов и сантиментов. Встаньте на данный путь — и 20% денег от

всех покупок населения будет в ваших карманах. А это в среднем 1,5–2 млрд. дохода.

Но и это еще не все. Наш производитель не поспевает за ростом спроса на внутреннем рынке. Если продажи в 2007 году выросли на 15%, то собственные, на 75% государственные предприятия смогли увеличить выпуск продукции всего на 6–7%. Иногда чуть выше. В таких условиях в большом выигрыше остается иностранный производитель, оперирующий своими товарами на белорусском рынке. Рост импорта зарубежных продуктов питания, непродовольственных товаров... Счет явно не в нашу пользу. Объективно налицо серьезный проигрыш белорусского бизнеса в 2007 году. Явная сдача части внутреннего рынка иностранным трейдерам и торговым корпорациям.

Иностранная интервенция на национальный капитал

Акты, законы, постановления часто кроссируют те или иные потоки информации. Дают некий интегрирующий вектор — тенденцию. Тренд, который поначалу и не виден, ибо присутствует

в форме слабых сигналов рынка и законодательной деятельности.

Вот уже три года кто-то в правительстве подсовывает предложение о снижении налогов на дивиденды. Сначала это носило характер уточнения в бюджете налоговой ставки. Была и цифра — 9% налогов на дивиденды. Врач, работающий на две ставки, облагается налоговой ставкой 30%. А собственник ЗАО и ОАО — всего 9%.

Сначала этот ход номенклатуры и крупного капитала удалось отбить. Ольга Абрамова как член парламента писала письма президенту. Автор этой статьи действовал по экспертной и медийной линиям. Проект наших «капитальных лоббистов» не прошел. Но в минувшем году он уже был принят! Крупный капитал «отбил» свои интересы. Наступило время атаки и на мелкий капитал, время его уничтожения «как класса».

После «зачистки» внутреннего рынка от мелкого частника нам остается «сладкая парочка» — иностранный производительный бизнес и свой торговый лоббист. «Доляры» наших карманов. И как суетливо вертится чиновник вокруг них! Морочит нам голову по поводу эффективности налоговой системы и рыночной экономики.

Все не так, ребята. Втаптывать в асфальт собственный индивидуальный частный бизнес — историческое преступление. Делать вид, что правительство управляет процессом централизации капитала, в подобной ситуации — явная натяжка.

Развитие предпринимательства и капитала идет двумя путями. Первый — соединение индивидуальных капиталов в ассоциированный — централизация капитала. Второй — увеличение капитализации прибыли, размеров индивидуального капитала — концентрация капитала. Это известные формулы. За знание этих дефиниций наши чиновники, будучи студентами, получали оценки в вузах.

Но, когда объективные процессы централизации капитала заменяются

суетливыми инициативами по перерегистрации, не надо делать вид, что предлагается нечто прогрессивное и умное. Ведь в действительности уничтожается основа демократического процесса централизации капитала. Причем не какого-то «забурного», а нашего национального. Того, что дает рабочие места и способствует экономическому и социальному возрождению страны.

В немецкой экономической теории выделяются только две большие экономические группы людей. Именно они составляют все производительное сообщество.

Во всем мире современная экономика выростала из индивидуального частного капитала. Были и другие варианты. Когда короли и знать сами конвертировали свою собственность в производственные активы: в акции и облигации, заводы и фабрики.

Формирование частного капитала в виде индивидуального было процессом демократического вхождения в новую жизнь. Мужики становились купцами и заводчиками. Простой человек получал свой шанс, и это повышало конкурентность любой страны. Народ этого достоин, говоря языком современной рекламы.

Затем капитал объективно централизовался, превращался из индивидуального частного в ассоциированный. Но — по воле рынка, в условиях конкуренции и формирования новых экономических сил. Это было и есть везде. Но только не в Беларуси.

Первая группа — самостоятельные. К ним относят предпринимателей, лиц свободных профессий. Короче говоря, всех тех, кто не нанимается на работу, а сам себе создает поле своей трудовой и иной производственной деятельности. Именно эти люди и формируют экономику страны.

Вторая экономическая группа — несамостоятельные. К ним причисляют всех тех, кто нанимается на работу. Нанимается к другим — самостоятельным. Наемные работники и составляют в количественном отношении большинство населения западных стран.

Деление экономически активного населения на самостоятельных и несамостоятельных входит в статистику. Это официальный способ оценки роли тех или иных экономических и социальных групп в обществе. У нас такого нет, мы такого все время боялись.

Но именно это и есть фундамент экономического деления страны. Критерий рыночной ценности, внесенный немцами в сознание людей и в статистику! А мы этого пугаемся. Выжигаем огнеметом политической пропаганды.

Социалистическая парадигма экономики делила всех нас на отрасли и сферы деятельности. При этом главным отличием была классификация труда на производительный и непроизводительный. Те, кто не стучал молотком или не завинчивал гайки, — непроизводительные работники. Если ты с серпом и молотом — производительный. Так и увековечили. Строишь радиаторный завод — производительный. Ставишь генетические опыты — непроизводительный.

Мир находится в информационной эпохе, а мы все бегаем с серпами и молотами за нашими предпринимателями!

С первого января у ворот маленьких рынков топчутся молодые нехилые ребята. Производительные работники налоговых инспекций. Они ждут, когда к индивидуальным предпринимателям придут наемные работники. Когда наступит «час X», момент суровой расплаты за то, что ты самостоятельный. Надо же — так отзомбировать самих себя! Молотами «справедливости» — по собственной голове.

Нынешнее противоречие — чиновник и капитал. И нынешняя опасность — чиновник и крупный капитал. Опасность того, что в стране установится монополистическая экономическая власть, которая будет разновидностью номенклатурной диктатуры. Которой будут мешать и действующий президент, и медиа, и иные институты общества. Причем не только гражданского.

С другой стороны, если не оберегать свой собственный национальный капитал, то на смену ему придет капитал иностранный. Это неизбежно. Никакого суверенитета не будет вообще. Политический суверенитет базируется на суверенитете экономическом. На нашей национальной собственности и нашем предпринимательстве. Пусть оно мелкое и не сильное, действительно маргинальное, вернее, начинает неизбежно превращаться в маргинальное.

Ошибка нынешних властей состоит именно в том, что они боялись собственного предпринимательства. Оставили наших бизнесменов в роли кроликов. Массы кроликов. А надо было способствовать росту слонов — крупного национального капитала. На собственной основе, со своими деньгами.

Такой капитал рос в соседней России. Рос и вырос в Украине. А наши, как были, так и остались в детских штанишках. А теперь им предлагают их вообще снять. Так и предстанем перед всем миром.

«А» прадстаўляе пераможцаў конкурсу «Вольнае слова», зладжанага ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў».

Зьміцер ПАНКАВЕЦ,
 Быхаў – Менск
 Інтэрвію перамагло ў намінацыі «Дэбют»

Міхаіл Герчык: «Не спадзяваўся выбрацца адтуль...»

Матэрыял надрукаваны ў газэце «Наша Ніва» 23.02.2007.

Аўтар раману «Здабыцьцё надзеі» праз 30 гадоў сам апынуўся ў Бараўлянах як пацыент.
 Зь пільнасьцю гутарыць Зьміцер Панкавец.

«Напісаць пра анкалёгію прымусіла дэпрэсія»

«Наша Ніва»: — Калі гэтай зімой мы ўпершыню спрабавалі дамовіцца на гутарку, то Вы казалі, што кладзецца на апэрацыю ў Бараўляны. Як увогуле цяпер здароўе?

Міхаіл Герчык: — Якое цяпер здароўе? Цяжка хварэў. Два месяцы праляжаў у Бараўлянах у анкалёгіі. Думаў, калі пісаў раман «Здабыцьцё надзеі» пра анкалягічныя захворваньні, што гэтая зараза ніяк ня зможа прыліпнуць да мяне ў жыцьці, але не... Здавалася, што я ўжо тады перажыў гэта ўсё, я хадзіў тады на апэрацыі, гутарыў з сотнямі дактароў і хворых. З таго часу мінула больш за 30 гадоў, і я апынуўся ў Бараўлянах ужо як пацыент. Мяне ўратавалі, за што

я ўсім дзякую, бо не асабліва спадзяваўся выбрацца адтуль. Мне зрабілі дзьве цяжкія апэрацыі, цяпер ня вельмі хочацца шмат пра гэта казаць...

Успамінаю, калі былі маладымі, сядзелі на пісьменьніцкіх зьездах і пленумах на апошніх шэрагах, крычалі нешта адтуль, абураліся. Не пасьпеў заўважыць, як прыйшла старасць.

— А чаму Вы ў свой час пачалі пісаць раман пра людзей, хворых на рак, калі іншыя калегі на пісьменьніцкім цэху пісалі пра вёску, мову, вайну?

— Гэта быў вельмі цяжкі пэрыяд майго жыцьця. У мяне ўсё ішло вельмі ўдала, я атрымаў прэмію імя Астроўскага ў Маскве за раман «Адаеш назаўжды», былі іншыя прэміі, выходзілі кнігі. І на гэтым фоне нечакана пачалася дэпрэсія, я сядзеў над аркушам і ня мог напісаць ніводнага радка. Гэта быў нейкі жах.

У дадатак ад раку памерлі маладымі некалькі маіх сяброў — журналісты Дзіма Мілашэўскі і Ларыса Ляўкова. Ларыса ня вытрымала пакутаў хваробы і выкінулася зь дзвятага паверху дому, а Дзіма памёр у больніцы, ён вечарам глядзеў тэлевізар, закашляўся, парвалася нейкая сьценка артэрыі, і за 40 сэкондаў ён памёр. Я паехаў у Бараўляны, каб даведацца, што гэта за хвароба такая. Я ні ў якім разе не зьбіраўся пра яе пісаць, бо тады гэта падавалася мне вельмі страшным. Мне было проста цікава, чаму чалавек робіць посьпехі ва ўтаймаваньні атамнай энэргіі, ляціць у космас, а пра гэтую хваробу яму вядома столькі сама, як у часы Гіпакрата. У нашай літаратуры нічога такога пакуль не было, мы ж тады яшчэ не чыталі «Ракавы корпус» Салжаніцына.

«Пяць гадоў я ездзіў у Бараўляны як на працу»

— *Наколькі я разумею, з той паездкі і нарадзілася ідэя цэлай кнігі?*

— Я прыехаў у Бараўляны і прыйшоў да акадэміка Мікалая Аляксандрава, які ўзначальваў інстытут анкалогіі. Пасядзелі, паразмаўлялі. Я задаў яму пытанні. Ён сказаў: «Вось вам халат, я дам загад, каб вас усюды пускалі, хадзіце, можа, што ўбачыце». Гэта было ў 1970 годзе. Гэты ж халат я зняў практычна толькі празь пяць гадоў.

Кожны дзень я ездзіў у Бараўляны як на працу. Спачатку было проста страшна, было адчуванне безвыходнасці, потым зьявілася нейкая надзея. Я бачыў тых, хто вылечваўся, хто перамагаў. Мяне прадстаўлялі як доктара, псыхоляга, праз гэта мне было лягчэй кантактаваць з хворымі. Найбольш часу я правёў з маладым хірургам Леанідам Сукаватых.

Хоць мы і сьцьвярджаем, што гэтая хвароба ня ёсьць заразнай, але многія зь людзей, што там працавалі, памерлі менавіта ад раку. Той жа лёс чакаў і Сукаватых, яму было крыху больш за 40 гадоў. Ужо цяжка хвораму я прынёс прачытаць рукапіс кнігі, ён яго прачытаў, зрабіў некалькі правак. Ён да апошняй хвіліны зьбіраў сваіх вучняў і разказваў ім аб сваім стане. Якія лекі дзейнічаюць на яго, а якія — не. Ён ведаў, што памірае, але не закансэрваваўся ў сабе, а працягваў працаваць.

«Дзед пажыў пры камунізьме»

— *Якія гісторыі, пачутыя ў Бараўлянах, найглыбей урэзаліся ў памяць?*

— Адно гісторыю я ўзгадаваў сёлета, калі там ляжаў. Пра палескага дзядка, які ўпершыню за сваё жыццё выехаў некуды далей за свой райцэнтар. Да яго прыехала дачка, прывезла паесці. Ён кажа: «Дачушка,

нашто? Тут стаяць вялікія белыя скрыні, у якіх можна знайсці любыя прысмакі. Я пайду набяру — і мне добра». Стары нават ня ведаў, што такое лядоўня. Людзі дамовіліся між сабой нічога не гаварыць дзядулю, каб ён хоць троху пажыў пры камунізьме. Гэта прыносіла ім усім радасьць, адзін зь нямногіх сьветлых момантаў, пра які я напісаў з асалядай.

— *Што запомнілася з трагічнага?*

— Была адна балерына, маладая 19-гадовая дзяўчына. У яе быў рак малочнай залозы. Доктар добра разумеў, што ёй трэба ампутаваць адну з грудзей, але зрабіць ён гэта ня мог, не падымалася рука. Скалечыць дзяўчыну, у якой жыццё наперадзе. Ён адмовіўся ад апэрацыі і спрабаваў яе вылечыць без ампутацыі. І яна памерла. Гэта было так страшна, што я не магу вам перадаць словамі. Гэты лекар увесь пасівеў за адзін раз. Без грудзі яна б жыла, цяжка, горка, але жыла б.

Другая — гэта гісторыя аднаго віцебскага палкоўніка, які ўтвары стаў правобразам палкоўніка Багачова. Быў прафэсарскі абход. Мы зайшлі да гэтага маладога сымпатычнага палкоўніка. Сукаватых павіншаваў яго, што ўсё нармальна, што гэта банальная язва. Рыхтуйцеся выпісвацца і ўсё такое. Вечарам я забавіўся ў кабінэце ў Сукаватых, туды ж прыйшоў гэты самы палкоўнік, які прынёс пляшку каньяку, кветкі, падзякаваў, ён быў шчаслівы, што будзе зноў лётаць. Мы разьвіталіся, і, калі за палкоўнікам зачыніліся дзьверы, Сукаватых узяўся абедзьвюма рукамі за галаву і застагнаў. Я пытаюся: што такое. Аказваецца, вайскоўцу засталася пражыць толькі месяц. Сукаватых даў яму месяц надзеі на жыццё.

— *Выхад гэтага рамана стаўся надзеяй?*

— Ён быў шалёна папулярны, яго чыталі ўва ўсім Савецкім Саюзе. Спачатку ён выйшаў накладам у 30 тысяч асобнікаў, яго разьмялі за адзін дзень. Потым быў перададзены, бо камітэт па друку

**Міхаіл (Майсей) Герчык
нарадзіўся ў 1932 г.
у Бабруйску ў сям'і
рабочага. Скончыў
Менскую пэдагагічную
вучэльню (1953),
аддзяленьне журналістыкі
філялягічнага факультэту
Беларускага дзяржаўнага
ўнівэрсытэту (1958).
Працаваў у піянерскай
газэце «Зорька», быў
рэдактарам на Беларускім
радыё. З 1964 г. —
рэдактар выдавецтва
«Беларусь», з 1972 г. —
старшы рэдактар
выдавецтва «Мастацкая
літаратура».
Сябра Саюзу пісьменьнікаў
СССР з 1964 г.**

закідалі лістамі з просьбамі пера-
выдаць. І цяпер, калі я выклікаю
хуткую дапамогу, то ў мяне пы-
таюцца, ці той самы я Герчык, які
напісаў раман пра Бараўляны.

«З Чыгрынавым мы не размаўлялі цэлы год»

— *Як да Вас ставіліся ў пісь-
меньніцкім асяродку?*

— Мне нялёгка пра гэта ўзгадаваць. Ня вельмі добра, бо я габрэў, а да ўсяго яшчэ пісаў па-расейску. Пісьменьніцкае асяродзьдзе не магло прыняць габрэя, які пісаў не па-беларуску. Што б ні гаварылі, але нават у гэтым асяродзьдзі існаваў нейкі побытавы антысэмітызм.

Я ўспамінаю, як сустрэў каля выдавецтва Івана Чыгрынава. Ён зарагатаў, як гэта ўмеў, і іранічна сказаў: «Ну, Міхась, ты ж вялікі пісьменьнік! Мая дачка прачытала твае аповесці і сказала, што цябе, тата, чытаць сумна, а вось Герчыка прачытала — вось гэта пісьменьнік!»

Я павярнуўся і сказаў, што, можа быць, яна і мае рацыю.

Божа мой, як ён пакрыўдзіўся! З год мы не размаўлялі.

Памятаю, як па выхадзе «Здабыцця надзеі» адбываўся нейкі пісьменьніцкі пленум, і амаль кожны зь пісьменьнікаў падыходзіў да мяне, ціснуў руку і казаў: «Ну, Міхась, малайчына, такі раман напісаў! Я, праўда, не чытаў, але вось жонка чытала». Памятаю, як на нейкай бібліятэчнай нарадзе ўсе размаўлялі толькі пра мяне і мае кніжкі. Мне было нават няёмка, бо ў залі былі іншыя пісьменьнікі.

— *Дык мо' варта было б перайсьці на беларускую мову?*

— Калі мяне канчаткова раззлавалі, то я паспрабаваў, у мяне нават выйшла некалькі кніжак па-беларуску, але яны былі напісаныя ня той мовай, якой пісалі Васіль Быкаў, Іван Мележ, Рыгор Барадулін. Я вырас у горадзе, у расейскамоўным асяродзьдзі. Я пісаў правільнай беларускай мовай, але я не адчуваў яе гэтак тонка, як нашы клясыкі, што нарадзіліся ў вёсцы. Я і сёньня не перабольшваю сваё месца ў літаратуры, часам нават з гумарам стаўлюся да сваёй творчасці. Ёсьць у беларускай літаратуры вялікія пісьменьнікі. Пра сябе я казаў: «Не страляйце ў піяніста, ён іграе, як умее».

— *Як ставілася да Вас крытыка?*

— У гэтым пляне мне не шанцавала ўсё жыцьцё. У мяне былі добрыя чытачы, якія мяне любілі, але была крытыка, якая мяне не заўважала. Я сьмяяўся, калі ў тэлевізійнай праграме, прысьвечанай творчасці таго ж Чыгрынава, сядзела крытыкеса, якая на поўным сур'ёзе казала, што на сьвеце існуюць толькі тры пісьменьнікі: Талстой, Да-стаеўскі і Чыгрынаў. І той сядзеў, надзьмуўшыся, і верыў, што так сапраўды і ёсьць. На мяне ж часьцей пісалі фэльетоны, чым станоўчыя артыкулы.

— *Вы атрымлівалі шмат лістоў каханьня ад чытачак?*

— Пісалі шмат. Як маладому пісьменьніку мне ўсё гэта было вельмі радасна. Але, прабачце, гэта тое, што застаецца па-за межамі любой размовы. Гэта можа застацца толькі ва ўспамінах.

«Я не пісаў за Мазанік»

— *Кажуць, што менавіта Вы напісалі кнігу ўспамінаў за Алену Мазанік. Ці праўда гэта?*

— Я помню гэтую гісторыю. Я быў рэдактарам яе кнігі, працаваць давялося шмат, бо рукапіс быў вельмі сыры. Аднак у ім была героіка таго часу. Сама постаць аўтаркі выклікала жаданьне ёй дапамагчы. Важна было высветліць вытокі мужнасьці гэтай жанчыны. Яна была запалоханай на ўсё жыцьцё, і калі нават нешта ў сапраўднасьці было ня гэтак, як у кнізе, то яна маўчала. Кніга выклікала пэўную цікавасьць, бо за ёй стаяў жывы чалавек.

Хаця я хачу сказаць, што Менск вельмі дорага заплаціў за гэты ўчынак. У Менску пасья забойства Кубэ расстралялі некалькі тысяч ні ў чым не вінаватых людзей. І тут паўстае пытаньне: ці варта быў гэты гаўляйтэр такіх ахвяраў? Учынак Мазанік найперш меў вялікае прапагандысцкае значэньне. У гэтых выпадках забываліся жывыя людзі, а заставаўся толькі сымбаль.

Мы ўсе глядзелі на гэтую прыгожую жанчыну зь вялікай павагай. І тое, што я зрабіў, ня гэтак ужо і важна, яна ж не была пісьменьніцай. Нейкую частку работы я, канечне, зрабіў, але не магу лічыцца нават суаўтарам кнігі.

«Я габрэй, які ня ведае ідыш»

— *Вы часта ўзгадваеце сваё бабруйскае маленства, эвакуацыю?*

— Дарэчы, нядаўна я скончыў працу над кнігай успамінаў, якія называюцца «Мроі». Там будзе ўсё: пра Бабруйск, пра асіповіцкае гета, пра бабулю, якую выратаваў знаёмы паліцай, пра эвакуацыю ў арэнбургскія стэпах, школу ФЗО (у свой час я быў «хабзайцам»), пэдавучылішча, унівэрсытэт. Толькі ў 1950 годзе я ўпершыню ўволю наеўся хлеба. Я паступіў ва ўнівэрсытэт на аддзяленьне журналістыкі ў 1953 годзе, калі толькі-толькі адшумела «справа ўрачоў». І да габрэяў

ставіліся вельмі жорстка. Сярод сяміста першакурснікаў было толькі два габрэі. Адна — дачка намесьніка старшыні Менгарвыканкаму, і я. Я трапіў ва ўнівэрсытэт таксама выпадкова, бо ў маім дыплёме было напісана не «Майсей», а «Міхал». Пасья таго як гэта высветлілася, я мусяў за гадзіну даказаць, што гэта адзін і той жа чалавек.

— *Часта ў жыцьці Вам даводзілася сутыкацца з антысэмітызмам?*

— Вось вам самая простая статыстыка: да вайны ў Беларусі выходзілі тры газэты на ідыш, а таксама тоўсты літаратурны часопіс «Штэрн», было больш за пяцьсот габрэйскіх школ, цяпер столькі няма беларускіх. Пры Саюзе пісьменьнікаў была сэкцыя літаратараў, якія пісалі на ідыш. Што да мяне, то я нават ня ведаю габрэйскае мовы, я габрэй толькі па паходжаньні. У Бабруйску я размаўляў па-расейску, бо мой бацька быў камуніст, не прызнаваў ніякага нацыяналізму. Ідыш я крышку вывучыў толькі ў Арэнбургу, калі краў жыта і трэба было перамовіцца з маці, каб ніхто не зразумеў. Існавала неразумьне, чаму цябе выпіхваюць адусюль, чаму ты застаецца на ўзбочыне. Адзіны выхад, які застаецца ў гэтай сытуацыі, — быць лепшым за іншых.

«Я не ўступлю ў саюз шарлятанаў і графаманаў»

— *Ваш апошні раман «Зброя для забойцы» заснаваны на рэальных падзеях?*

— Проста тады ў мяне ўсё накіпела: калі я працаваў у гэтым выдавецтве «Дайджэст», на маіх вачох рабіліся шалёныя грошы. Выдавалі тое, што збіралі на памыйніцах у амэрыканскай літаратуры, уся гэтая парнаграфія, дэтэктывы. Ад гэтай агіды я не магу адмыцца і сёньня. Я пяць гадоў адпрацаваў там. Раман «Зброя для забойцы» — гэта, пэўна, найлепшае, што я зрабіў за сваю творчасць. Гэты раман пра трох сяброў, якія вырашылі заснаваць выдавецтва. Грошы былі толькі

ў аднаго, ён і стаў уладальнікам. Пасля адзін з сяброў падсунуў начальніку ў крэсла ампулу радыяактыўнага кобальту. Чалавек згарэў і памёр літаральна за тры дні. Забойца загінуў у аўтакатастрофе. Шкада, што раман так і не пабачыў сьвет цалкам.

— Як Вы ўспрынялі развал Саветскага Саюзу?

— Жахліва, мне было вельмі цяжка. Я адразу адчуў, што выпадаю з гэтай абоймы, мне не прыстасавалася да гэтага часу, да гэтай эпохі. Мае сын і ўнук добра адчуваюць сябе ў гэтым часе, яны працуюць, зарабляюць грошы, але мне ў ім цяжка. Гэта адчуваньне, як у пасажыра, які выпаў з трамвайчыка. Усё мяняецца, нешта некуды бяжыць, а ты стаіш і не разумееш, што адбываецца.

Цяпер я звычайны жабрак, які ня можа купіць літаратурны часопіс. Я не хачу вяртацца ў Савецкі

Саюз, я не хачу каўбасы па рубель семдзесят, я не хачу той цензурны і лжы. Але не хачу і той усёдазвольнасьці, што адбываецца ў нас зараз. Калі гляджу тэлевізар, то мне здаецца, што з нас спрабуюць зрабіць поўных дурняў. Замест пазнавальных перадачаў — спорт. Нарошчвай мышцы — і ўсё будзе добра. Тая ж моладзь ня мае дзе прыткнуцца, у іх няма жыцьця. Вучыцца за грошы яны ня ў стане. А іх сябры катаюцца на шыкоўных «Лексусах», адсюль расьце непазьбежная зайздасьць, адсюль жа расьце падлеткавая злачыннасьць.

— Чаргінец клікаў у свой саюз?

— Мне няма там чаго рабіць. Гэта безнадзейна. Я ў Саюзе беларускіх пісьменьнікаў, а не ў саюзе шарлятанаў, графманаў і ўсіх тых, хто групуецца каля ўлады.

— Вы заўсёды трымаліся ўбаку ад палітыкі. Чаму?

— Так. Я і цяпер трымаюся ўбаку. Я нічога не магу ў ёй зьмяніць. У арабаў ёсьць цудоўная прыказка: «Дай мне, Божа, сілы зьмяніць тое, што я ў стане зьмяніць. І дай мне, Божа, мудрасьці не мяняць тое, што я не магу зьмяніць. І дай мне, Божа, розуму адрозьніць адно ад другога».

Я толькі шкадую, што некалі гэтак бяздарна павёў сябе Пазьняк. Пазьняк нанёс шкоды беларускаму адраджэньню больш, чым хто іншы. Трэ' было быць не фанатыкам, а дыпляматам. Трэ' было паціху зьбіраць вакол сябе людзей, а не адштурхоўваць.

У нас сьмешная краіна: калі б заўтра прэзыдэнт перайшоў на беларускую, то па-беларуску загаварылі б усе чыноўнікі, а праз 20 гадоў мы б не лічылі па адной беларускія школкі, іх былі б тысячы. Вось і ўся палітыка.

Руслан ГОРБАЧЕВ

Статья заняла 2-е место в номинации

«Лучший материал информационного жанра».

Как я был инвалидом

Материал был опубликован в ноябре 2007 г. в газете «lntex-press», г. Барановичи.

Оказаться в роли инвалида было невероятно трудно. Как только я сел в кресло-коляску, жители и улицы города совершенно изменились. Стать ограниченным и униженным оказалось намного проще, чем я думал.

Накануне Дня инвалида я решил отправиться по улицам Барановичей в кресле-коляске, чтобы на своей шкуре почувствовать, каково это — быть «человеком с ограниченными возможностями». Перед этим председатель городской организации ОО «Белорусское общество инвалидов» Жанна Сосницкая провела для меня инструктаж по пользованию инвалидной коляской. Мне показалось, что передвигаться при

помощи коляски комнатно-прогулочного типа довольно легко: главное — синхронно крутить оба колеса, чтобы не заносило в повороты.

Я опустился в кресло-коляску, выйдя из общества инвалидов на улице Советской. До этого мне было страшно вообще, тут стало конкретно. Очувтившись в инвалидной коляске, сразу же начинаешь обращать внимание на реакцию прохожих. Большинство меня как бы

«Сев в инвалидную коляску, человек, несмотря на Конституцию и прочие законы, сразу же теряет половину своих прав».

Жанна Сосницкая

«Когда человек становится инвалидом-колясочником, то учится заново есть, справлять естественные потребности, вести половую жизнь. Нужно научиться заменять ноги руками. Поначалу все «лезет в бутылку», но кто-то в определенный момент останавливается. Все зависит от самого человека. Нужно научиться жить без прошлого, помнить только про настоящее и будущее».

Андрей Потоцкий, инвалид 2-й группы

«В Барановичах я езжу по дорогам, а не по тротуарам. Меня несколько раз останавливали гаишники, просили вернуться на тротуар. Я им только отвечаю: «Попробуйте сами проехать на инвалидной коляске по такому тротуару. А посмотрите на пандусы! Некоторые из них опасны для жизни».

**Станислав Войтеховский,
25 лет, инвалид 1-й группы**

«Наши инвалиды не выходят в город, потому что знают: нормальных пандусов очень мало. Поэтому, несмотря на то, что в Барановичах инвалидов-колясочников 67, горожане их практически не видят. Отсюда, наверное, делают вывод, что инвалидов нет и пандусов делать не нужно. Считаю, нам необходима обоюдная интеграция: здоровые люди должны видеть инвалидов, а инвалиды — здоровых».

Андрей Потоцкий, инвалид 2-й группы

не замечало, некоторые смотрели в сторону — было очевидно, что отводили взгляд специально. Несмотря на то, что для меня это была просто «игра», я оказался подавлен. Хотелось встать и где-нибудь скрыться. Неприятнее всего было встречать детей: они с интересом смотрели прямо на меня. Внутри переплелись чувства унижения и оскорбления.

Первых сил передвигать коляску самостоятельно у меня хватило минут на пять. Никогда не думал, что это так тяжело (а я далеко не слабый: могу подтянуться 15 раз подряд). Пришлось остановиться и попросить толкать инвалидное кресло нашего фотографа Людмилу, сопровождавшую меня с целью сделать фоторепортаж.

Когда мы добрались до первого светофора на пешеходном переходе к гостинице «Горизонт», я решил попробовать преодолеть переход самостоятельно. Но обычный бордюр, который я ежедневно переступаю и даже не замечаю, показался мне из кресла-коляски необычно высоким. Образно говоря, нужно было сделать шаг в пропасть. Передняя часть коляски с моими ногами уперлась в асфальт, а задние колеса остались на бордюре — я застрял. Незаметно для прохожих оттолкнулся ногой и вернулся назад на бордюр: следующей попытки съехать нужно было ожидать до нового зеленого света.

Как раз в это время рядом задержался молодой человек. Оглянувшись на меня, он спросил:

«Помочь?»

Но даже с его помощью я вновь застрял. Пока общими усилиями мы пытались стать на колеса, на светофоре загорелся

красный свет. С двух сторон дороги подъехали автобусы и машины, но им пришлось остановиться. Образовалась пробка. К моему счастью, все ожидали, пока инвалид в коляске не пересечет дорогу.

Следующей остановкой на моем пути стал горисполком, где я опробовал недавно сооруженный пандус. Как мне и говорили, он действительно очень удобный: нужный угол наклона плюс два поручня. Дальше с Людой мы направились по улице Советской. Удивительно, что до этого дня я никогда не замечал, какие в нашем городе неровные тротуары — лежат какими-то волнами. Из-за этого моя коляска клонилась то вправо, то влево. Никогда раньше я не замечал, как много в тротуарах трещин и отверстий. Каждый метр пути был как капкан.

После поворота на бульвар Хейнола я неожиданно провалился на пересечении ливневой решетки. Передние колеса кресла оказались слишком узкими и угодили в отверстия решетки. Хорошо хоть, что выбраться оттуда было так же легко, как попасть.

Постепенно у меня начали мерзнуть ноги. Не двигаясь на «своих двоих», я хорошо ощутил конечностями холод уже через полчаса нахождения на улице.

На пешеходный переход по улице Ленина со стороны кинотеатра «Октябрь» я с помощью Люды выехал, а вот на тротуар через дорогу забраться не смог. Рядом стояли люди, но почему-то никто помогать мне не спешил. Только когда Люда наклонилась вперед и начала поднимать передние колеса, на помощь пришел мужчина средних лет.

Я направился в аптеку, но там, как и в кинотеатре напротив, пандуса не оказалось. Увидев мои безуспешные попытки преодолеть относительно невысокую ступень, на помощь пришли мужчина в возрасте и девушка, поднявшие меня с коляской наверх. «У меня из-за отсутствия

пандусов были практически те же проблемы. С детской коляской редко куда можно подняться и зайти», — заметила помогавшая мне молодая женщина. Кстати, по словам Жанны Сосницкой, статистика показывает, что если пандус удобный, то им пользуются и здоровые люди: матери с маленькими детьми в колясках и бабушки с тележками за спиной.

Через час прогулки в инвалидной коляске я в некотором смысле свыкся с новым своим положением. Привык, кажется, к взглядам людей, к неровным тротуарам, научился более или менее хорошо управлять креслом. Но, как только я это для себя отметил, на стыке старого и нового покрытия тротуара чуть не перевернулся... Через минуту, подъезжая к одной из автобусных остановок, чуть не столкнулся с девушкой. Она проделывала какие-то операции со своим мобильным и лишь за метр до коляски успела от нее вернуться.

Люда устала толкать коляску, и ей на смену мы позвали нашего коллегу Алеся. Когда по улице Ленина мы проезжали мимо представительства компании «Velcom», я заметил там пандус и попробовал взобраться по нему. Мне это без особых проблем удалось. А вот в большинстве других небольших магазинов на нашем пути пандусов не было.

Следующий встреченный мною пандус к Центральной городской библиотеке им. В. Тавлая удивил. Во-первых, находящаяся рядом клумба мешала заехать на него. Во-вторых, оказалось невозможным взобраться по этому пандусу: коляска со мною переворачивалась назад.

В это время мимо проходил мой хороший приятель. Посмотрев на меня, он перевел взгляд в сторону и продолжил свой путь. Только когда я улыбнулся, он подошел ко мне. «Сначала твое лицо показалось мне знакомым, но, увидев тебя в коляске, решил, что это не ты. Мы ведь еще вчера по телефону разговаривали, и ты ничего про свое

здоровье не говорил», — признался Анатолий.

Я попробовал подняться по пандусу в магазин «Калі ласка». Надо ли говорить, что и там меня ждало разочарование: угол наклона пандуса оказался слишком большим. Впрочем, по словам Андрея Потоцкого, даже если ты попадешь в продовольственный магазин, то вряд ли проедешь там между кассами.

Одна из главных проблем для инвалидов-колясочников — перемещение в общественном транспорте. В автобусы взобраться самостоятельно нельзя — только с помощью людей. Легче попасть в новые «МАЗы»: там ступени ниже. На остановке возле магазина «Калі ласка» я и стал ждать автобуса «МАЗ» маршрута № 7 или № 14, чтобы отправиться на нем к городской поликлинике. Когда рядом останавливались автобусы, все пассажиры (абсолютно все!), не прячась, смотрели на меня. Сверху вниз. Не отвести в такой ситуации взгляд в сторону было трудно.

Через минут 30–40, так и не дождавшись «МАЗа», я решил взобраться на «Икарус». Когда подъехал автобус, я направился к задним дверям: только там можно было протиснуться в коляске (в остальных дверях поручень посередине ступеней делал такую попытку безнадежной).

Как только я остановился возле дверей, мне на помощь пришли сразу три молодых человека. С трудом, но подняли меня в автобус. Спросили, куда я еду, и пообещали помочь там спуститься. Ребятам нужно было выходить на площади Ленина, но двое из них специально проехали до моей остановки. Пацаны! Большое человеческое спасибо! И это... простите, если что не так.

Кое-как добравшись до городской поликлиники, очередной пандус-препятствие я преодолеть не смог. Угол наклона вновь оказался слишком большим.

Я покинул инвалидную коляску: больше сил бороться у меня не было.

«Нельзя сказать, что у нас первобытное общество. Но за границей такого экстрима для инвалидов-колясочников нет. Прыгать с высоких бордюров на колясках с риском упасть и получить сотрясение мозга там не нужно. Но и в нашей стране, конечно, есть подвижки. Все новое строится с соблюдением правил по организации безбарьерной среды. Надеюсь, к моей старости мы достигнем в этом плане уровня развитых стран... Быть инвалидом-колясочником — это борьба. Борьба за личную жизнь. Здесь каждый сам для себя герой».

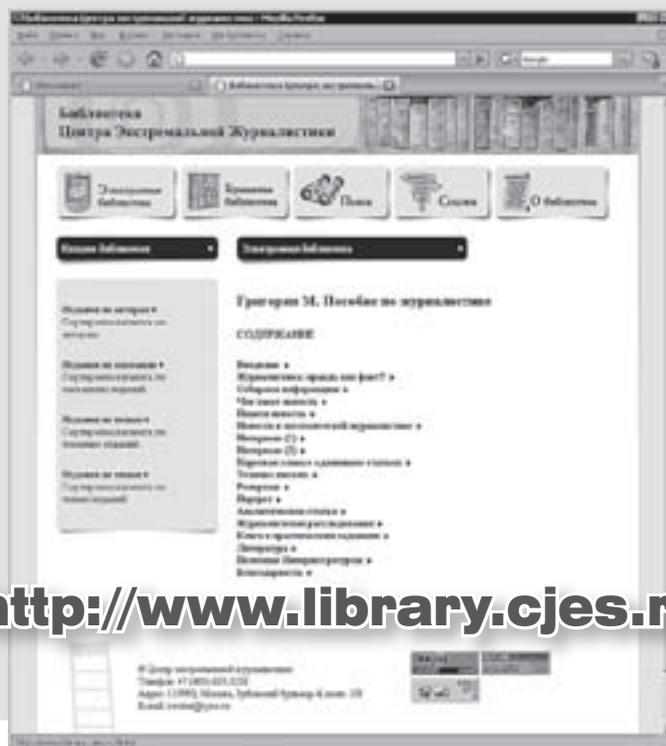
Андрей Потоцкий, инвалид 2-й группы

В электронной библиотеке Фонда экстремальной журналистики уже с полгода доступна очень полезная книга: Марк Григорян. Пособие по журналистике (М.: «Права человека», 2007).

Книга подготовлена при содействии Королевского Посольства Норвегии в Российской Федерации. Дополнительный тираж отпечатан в 2007 г., и «бумажная» версия обещает появиться в БАЖе хоть в каком-то количестве экземпляров.

Но и начинающим журналистам, и не желающим стареть «мэтрам» стоит почитать это поскорее. Чтобы сравнить «звездность» местного масштаба с европейскими стандартами. Чтобы учиться работать по-европейски.

Марк ГРИГОРЯН,
журналист,
специалист одного
из подразделений Би-би-си.
Лондон.
Специально для «Абжура»

Традиционной журналистике надо меняться

Неумение просто рассказывать о фактах было — и продолжает оставаться — одной из самых серьезных проблем журналистики. Начинающим журналистам часто кажется, что тысячи людей ждут не дождутся момента, когда они, юные и энергичные, сядут у компьютера, расскажут всю правду и научат, как надо относиться к жизни. И очень немногие из молодых журналистов спустя годы работы поймут: читателям нужно, чтобы мы просто сообщили о том, что произошло.

Сегодняшняя журналистика должна ответить нескольким новым для себя вызовам.

Конечно, самые серьезные проблемы перед газетами поставил интернет. С его появлением журналистика очень изменилась. Она стала быстрее, динамичнее, в определенном смысле жестче. Появились веб-сайты, очень профессионально рассказывающие о

самых свежих новостях, причем куда оперативнее, чем газеты или телевидение. В интернете можно размещать фотографии, качеством превосходящие газетные снимки и уступающие разве что глянцевым журналам.

Традиционная журналистика в последние годы столкнулась с еще одним серьезным конкурентом — это блоги.

Действительно, многие новости проникают в блогосферу раньше, чем на телеэкраны или на страницы газет. А бывают ситуации, когда блоггеры берут на себя функцию новостных журналистов. Так было, например, во время волнений в Бирме, стране, куда не разрешался въезд иностранных журналистов. Так было и в Грузии. Когда

правительство объявило режим чрезвычайного положения, новости «ушли» в блогосферу.

Каждое утро у входа в метро я могу взять бесплатную газету. Там наряду с рассказами о том, где провела предыдущий вечер та или иная звезда, печатаются и основные мировые новости. А вечером, когда я возвращаюсь с работы домой, мне дают уже две бесплатные газеты — и даже спрашивают взять их.

Что это значит? Да просто новости перестали быть товаром, за который платят деньги. Новости потеряли рыночную цену. Веб-сайты, блоги, бесплатные газеты сделали новости настолько доступными, что платить за них уже неинтересно. За что же люди готовы платить? Может, пора уже говорить вообще о смерти газетной журналистики?

Не беспокойтесь. Вряд ли это случится. Но я глубоко убежден, что традиционной журналистике надо меняться, чтобы, как принято говорить, соответствовать времени. Что же нужно делать? Я уверен, что на этот вопрос есть ответ: нужно писать лучше, интереснее, профессиональнее.

Это трудно. Этому нужно учиться, причем не только листая учебники, но читая, анализируя чужие хорошо написанные статьи, настойчиво перерабатывая собственные материалы. И тогда вы увидите, что журналистика — очень благодарная

В постсоветской журналистской практике факты часто наделяются определенным свойством — считается, что они могут быть «позитивными» и «негативными». «Позитивны» те факты, описание которых в прессе доказывает, что власти работают хорошо. Соответственно, «негативными» будут те факты, изложив которые, журналист покажет плохую работу властей.

В западной журналистике такого разграничения нет. Для англоязычного журналиста факт существует как таковой. В его понимании новостная журналистика по определению призвана выявлять неполадки, проблемы и недостатки и показывать их обществу.

профессия, потому что у хорошо написанных статей всегда будут тысячи читателей, а талантливые авторы всегда востребованы и популярны.

Мне повезло: я не был журналистом в советское время. А это значит, что мне не пришлось писать о капитальном строительстве, сборе урожая, досрочном выполнении планов или передовиках производства.

Не довелось мне просиживать, извиняюсь, штанов в пыльных и прокуренных редакционных кабинетах и мучительно высасывать из пальца скучные строки, складывать их в статьи, совершенно не интересные не только читателю, но и мне самому. Книга Сергея Довлатова «Компромисс», в которой он показывает обычную жизнь рядовых советских журналистов, вынужденных то и дело идти на

компромиссы со своей совестью, всегда была для меня описанием другого мира, иной журналистики — той, мимо которой пронесла меня счастливая судьба.

Я пришел в журналистику в 1993 году в качестве замредактора маленького оппозиционного еженедельника «Свобода», где нас было всего пятеро, и мне приходилось не только писать, но еще и править, и верстать — главным образом потому, что мои коллеги править и верстать не могли.

Это было очень тяжелое время. В Карабахе шла война, сопровождавшаяся жесточайшим кризисом: свет в квартирах Еревана включался на полтора-два часа в сутки, отопления и газа не было вообще. А отсутствие света значило, что телевидения и радио не было почти ни у кого. Основным источником информации были газеты. И мы трудились, добывая эту самую информацию, рассказывая нашим читателям о политике, повседневной жизни и войне.

А еще мы печатали публицистику. Как правило, это была критика властей — ведь мы были оппозиционной газетой. Публицистические статьи у нас писали талантливые и умные авторы, что повышало наш рейтинг и, соответственно, тираж.

С какой гордостью я обходил киоски, чтобы убедиться, что нашу газету раскупают, а выпуски изданий-конкурентов пока еще лежат на прилавках! Работу в газете «Свобода» я вспоминаю с огромной теплотой: это была

Журналистика во многом построена на желании сказать правду. Однако — и здесь мы сталкиваемся с одной из закономерностей нашей профессии — репортер не в состоянии увидеть всей правды. Причин много: журналист, как правило, не имеет возможности проникнуть за кулисы происходящего, понять побуждения действующих лиц, проследить за всеми перипетиями событий. Иногда может просто не хватить времени или газетной площади. А бывает, что журналист, увлеченный желанием высказать собственную точку зрения, попадает в плен своих гражданских, национальных или патриотических представлений. Это значит, что есть журналистика факта и журналистика «правды».

моя первая школа журналистики — жесткая и бескомпромиссная, но при этом азартная, шумная и яркая.

Профессиональным университетом стала для меня работа в армянском американском журнале «АИМ» — «Armenian International Magazine». Довольно неожиданным для меня оказалось, что редактора, находящегося в Лос-Анджелесе, не интересует мое мнение о событиях в Армении. От меня требовались факты: сухие, ясные, изложенные как можно проще и доходчивее. А умению излагать факты, не добавляя к ним комментариев, приходилось учиться, что называется, на ходу — ведь до этого я только и умел, что комментировать.

Неумение просто рассказывать о фактах было — и продолжает оставаться — одной из самых серьезных проблем журналистики. Начинающим журналистам часто кажется, что тысячи людей ждут не дождутся момента, когда они, юные и энергичные, сядут у компьютера, расскажут всю правду и научат, как надо относиться к жизни. И очень немногие из молодых журналистов спустя годы работы поймут: читателям нужно, чтобы мы просто сообщили о том, что произошло.

А этому надо учиться. И я учился писать в разных жанрах, чтобы мои рассказы получались более яркими и профессиональными.

Надо уметь по-разному писать репортажи, знать, как рассказывать о герое очерка и как представить интересного человека или коллектив в жанре портрета. Каждый из этих жанров имеет свою специфику. Но вершиной профессионального мастерства — и одновременно его фундаментом — я считаю интервью.

Казалось бы, нет ничего проще: сел напротив нужного человека, посмотрел ему в глаза и... Это убивает жанр. К интервью надо готовиться заранее: изучать деятельность будущего собеседника, определять его

Современное интервью — это поединок индивидуальностей, дуэль. Поэтому не следует слишком часто обращаться к этому жанру, и не каждый журналист может быть хорошим интервьюером.

слабые места, тщательно продумывать вопросы. Интервью получится действительно интересным и содержательным лишь при условии, что вам более или менее ясен ход беседы, а ваши вопросы выстроены в логической и психологической последовательности.

Я никогда не показываю результат интервью для дополнительного визирования собеседнику. Ведь если он будет иметь возможность постфактум изменить текст беседы, то это нивелирует весь мой труд по подготовке, лишит смысла «подводные камни», которые я так тщательно расставлял по ходу разговора. Знаю, что в постсоветских странах очень трудно избежать настоятельной просьбы или категорического условия «завизировать интервью». Но это мое святое право — делать так, как я хочу и как, в принципе, положено по теории жанра. Я предпочту не брать интервью вовсе, чем потом отдавать его на предварительный просмотр интервьюируемому.

... Мне вспомнилось несколько удачных и несколько неудачных интервью. В одной из постсовет-

он ответил: «Да». Но этот ответ выбил его из колеи (на что я, собственно, и рассчитывал), ему стало неуютно от того, что он был вынужден сказать мне неправду. Наша беседа продлилась всего около 10 минут, и за это время политик просто взмок от напряжения, вспотел так, что ему потом пришлось менять сорочку.

Неудачным было интервью, взятое у премьер-министра другой постсоветской страны. Он был готов ко всем моим вопросам — даже самым заковырыстым. Я так и не смог пробить его «обороны». Это интервью стало для меня уроком.

Больше всего мне нравится жанр новостного анализа. Здесь нужно суметь показать ситуацию (как правило, связанную с политикой или экономикой), продемонстрировать, как по-разному оценивают ее разные люди и политические силы. Эти оценки и мнения в корне отличают такой анализ от публицистики, где задача автора — рассказать, что он думает о событиях, и убедить читателей в том, что его точка зрения единственно правильная.

Мне не стыдно учиться, ибо, чем больше я узнаю, тем больше

*В англоязычных странах есть термин *lazy journalism* — ленивая журналистика. Он касается тех случаев, когда журналист не прикладывает серьезных усилий для подготовки материала. К «ленивой журналистике» можно отнести, например, репортажи с пресс-конференций.*

ских стран мне выпало интервьюировать оппозиционного кандидата в президенты, который, если рассуждать реалистически, не имел никаких шансов на победу. И наш разговор я начал с вопроса: «Неужели вы думаете, что можете победить?» Естественно,

вижу неизвестного и неизведанного.

И вообще, чем больше я работаю, тем отчетливее понимаю, что лучшую свою статью я еще не написал. И с годами ненаписанных материалов становится все больше.

Жанна ЯМАЙКІНА,
а.к.а Петра

Новыя магчымасці пошуку інфармацыі ў інтэрнеце для журналістаў

**Бадай, кожны мінак на вуліцы
ўжо ў стане прачытаць лекцыю
на тэму «Што такое інтэрнет
і якая з яго карысць».**

У любым выпадку нікога ўжо не трэба пераконваць, што сеціва як інструмент дае вялізарную перавагу ў кожнай галіне дзейнасці. Мастакі, студэнты, актывісты экалагічных рухаў, дзяржаўныя ідэолагі ў гальштукі і расхрыстаныя падлеткі, святары-месіянеры з невялікіх парафій, сур'ёзныя бізнесоўцы і жанчыны ў дэкрэтным адпачынку — хіба што апошні лайдак не спажывае магчымасцяў, якія менавіта яму прапануе інтэрнет. Адсюль можна браць. Тут можна аддаваць. Інфармацыю, уражанні, ідэі — усё тое, на што

раней патрабавалася ў шмат разоў больш часу, нерваў і нават фінансаў.

Таму «праскочу» ўводную частку пра і без таго, спадзяюся, неаспрэчнае значэнне інтэрнета для сучаснага журналіста і паспрабую разгледзець самы перспектывыны яго сегмент — сацыяльныя сеткі, якія толькі што прызналі «паняццем 2007 года». Паводле дэфініцыі **Wikipedia.org**, **сацыяльная сетка** — гэта структура, што складаецца з групы вузлоў, якімі з'яўляюцца сацыяльныя аб'екты (людзі або арганізацыі), і сувязей паміж імі (сацыяльныя ўзаемадачыненні).

Чаму гэтымі сеткамі цікавяцца журналісты? Чаму лічаць іх адной з галоўных крыніцаў інфармацыі, а таксама месцам абмеркавання, крытыкі і кантролю якасці матэрыялаў у медыя? Чаму палітыкі разглядаюць інтэрнет-крыніцы і сацыяльныя сеткі як адзін з галоўных каналаў для перадвыбарчай агітацыі? Якім чынам актывісты або проста зацікаўленыя асобы збіраюць у сацыяльных сетках інфармацыю пра парушэнні правоў чалавека або рэкамендацыі пра найлепшыя спосабы скінуць вагу? Ну і галоўнае: што ж такога новага ў гэтым паняцці — сацыяльныя сеткі? Чаму менавіта 2007-ы стаў годам сацыяльных сетак?

Канечне, чалавек — «сацыяльная жывёла», як вядома яшчэ з падручнікаў, таму сацыяльныя сеткі ён складаў і тысячы гадоў таму, каалі інтэрнетам і не пахла. Яны дазвалялі рэалізаваць агульначалавечыя памкненні: давалі магчымасць адчуваць сваю значнасць і запатрабаванасць, быць часткай нейкага калектыву. Дапамагалі дасягаць уласных мэтаў, спрыяючы ў той самы час развіццю тых, хто побач. Рызыкну заўважыць, нават дзяржава, рэлігійныя абшчыны, палітычныя аб'яднанні і прафсаюзы ў сваёй аснове ёсць не што іншае, як сацыяльныя сеткі ў іх больш ці менш прасунутым выглядзе.

Верагодна, сацыяльныя сеткі самі па сабе прадугледжаныя чалавечай прыродай. Аднак жа ў тым выглядзе, у якім яны

ўвасабляюцца ў сённяшніх умовах агульнай віртуалізацыі побыту, — гэта абсалютна новая з'ява. Калі за камунальныя паслугі і тавары можна заплаціць, не адыходзячы ад камп'ютэра (электронны банкінг), калі навуковую працу тэарэтычна ўжо можна напісаць, ніводнага разу не наведаўшы бібліятэку з традыцыйнымі кнігамі, калі з дапамогай сеціва, стоадсоткава «віртуальна» можна зарэгістраваць шлюб, знайсці кампанію для сумеснай сустрэчы новага года ў лесе, уладкавацца на працу і нават скончыць жыццё самагубствам, — час казаць пра тое, што жыццё чалавека пераходзіць у іншае вымярэнне.

Як толькі інтэрнет-рэсурс дае карыстальнікам магчымасць камунікаваць і, галоўнае, дастаткова эфектыўна шукаць суразмоўцу, утвараць больш-менш працяглыя сувязі — ён становіцца сацыяльнай сеткай. Чым вузейшую накіраванасць мае такі рэсурс, тым больш вышэйшыя шанцы на поспех. Напрыклад, дастаткова шырокай вядомасцю карыстаюцца сервісы для прафесіяналаў, скажам, **linkedin.com** або **xing.com**. Зразумела, яны не адзіныя, у іх ёсць з тэзіс сур'езных канкурэнтаў. На такім рэсурсе кожны карыстальнік мае сваю старонку з ацэнтам на прафесійнай дзейнасці (адукацыя, навыкі, сфера зацікаўленасцяў, веданне замежных моў). Галоўнае, аднак, што наведвальнік тваёй старонкі адразу бачыць, з кім ты кантактуеш. Па-першае, гэта выдатны шанец знайсці патрэбнага спецыяліста хоць у банкаўскай сферы, хоць у журналістыцы. Па-другое, аўтаматычна ты можаш атрымаць водгук пра чалавека, бо адразу бачыш тых, хто з ім ужо мае стасункі. Акрамя таго, доступ да тваёй інфармацыі і да кантакту з табой адкрыты толькі тым, хто асабіста цябе ведае або каго параяць твае «давераныя асобы». І гэта ўсё — незалежна ад колькасці кіламетраў паміж вамі.

Удалыя сацыяльныя сеткі часта будуць менавіта на вузкіх зацікаўленасцях, але даюць шырокія магчымасці. Як

прыклад прывяду два добрыя рускамоўныя рэсурсы. Першы — **odnoklassniki.ru**. Сама назва гаворыць: рэсурс створаны дзеля людзей, якія некалі навучаліся разам, а потым, як часта бывае, страцілі адно аднаго ў дарослым жыцці. І лозунг яны сабе вельмі добра прадумалі: «Памятаеш сваё першае каханне? Дзе яна зараз?» Стваральнікі рэсурсу трапілі ў «дзсятку». Пасля распаду СССР ды з прычыны эканамічных цяжкасцяў і шматлікіх нацыянальных канфліктаў на тэрыторыі сучаснай Усходняй Еўропы шмат людзей пераехалі з таго месца, дзе нарадзіліся і навучаліся. Менавіта пакаленне тых, каму зараз каля 30 гадоў, вырасла падчас развалу Саюза, ужо нечага дасягнула ў жыцці (ці то кар'ера, ці то дзеці), карыстаецца інтэрнетам і перажывае настальгію па «былых часах» свайго юнацтва. Па ўспаміны і кантакты са «сваімі па дзяцінстве» прыходзяць на «Аднакласнікаў». Ці трэба распавядаць, якія магчымасці ўзнікаюць тут для журналіста? Ці гэта не выдатны шанец знайсці патрэбнага чалавека па самых маленькіх і слабых «наводках», напрыклад, па нумары школы і годзе навучання там? Ад каго вы яшчэ даведацеся, што будучы знакаміты спявак Н. у 10 гадоў насіў партфель дзяўчыныцы Машы? Ці што той хлопчык у чырвоным гальштуку, які абдымаў генеральнага сакратара на вокладцы піянерскага часопіса, зараз, скажам, уладальнік бровара ў Паўночнай Караліне?

Іншы, хаця не самы вядомы, але, на маю думку, вельмі ярка прыклад расейскамоўнай сацыяльнай сеткі — **galya.ru**. Сервіс створаны ў першую чаргу для жанчын, і часцей за ўсё там абмяркоўваюцца праблемы пахудання. Артыкулы пра дыету, моду, фітнес, пытанні ўзаемадачыненняў, сям'і, здароўя, кулінарыі, а таксама астралогіі і містыкі, яркавы дызайн, нават у выбары колераў разлічаны на жаночае ўспрыняцце, зрабілі б з «Галіны» неблагі сайт. Але менавіта магчымасць весці ў межах праблематыкі сайта свой дзённік, назіраць за поспехамі ды

няўдачамі іншых і стасавання ў рэальным часе з тымі, хто «ў тэме», стварыла даволі моцную жаночую сацыяльную сетку, якую ўдзельніцы выкарыстоўваюць для сяброўскай узаемадапамогі і абмену парадамі. На абмеркаванні тут выносяцца не толькі пытанні аб шырыні ўласных сцёгнаў, але і глабальныя праблемы: карысць ці шкода генетычна мадыфікаваных прадуктаў, перспектывы і абмежаванні кар’ернага росту жанчыны і г. д.

Няцяжка здагадацца, што гэты рэсурс — не толькі прывабнае месца з пункту гледжання бізнесоўцаў для размяшчэння рэкламы на тавары і паслугі, але і выдатны інструмент у руках журналіста для падрыхтоўкі матэрыялаў па любых пытаннях гендэрнага характару. Калі б я шукала натхненне і тэмы для артыкулаў у «жаночыя» часопісы або вывучала нейкую праблему з пазіцыі жанчын, то, напэўна, не прапусціла б магчымасць зарэгістравацца на падобным рэсурсе і выкарыстоўваць яго ў якасці месца для апытанняў сваёй мэтавай аўдыторыі. І пісала б потым нешта накшталт: «73 жанчыны са 100 апытаных на сайце ва ўзросце ад 20 да 35 гадоў зарабляюць на чвэрць меней за свайго мужа». Пры гэтым апытанку рабіла б сама, пад свае надзённыя патрэбы і планы. І атрымала б цалкам эксклюзіўныя і своечасовыя дадзеныя, без выдаткаў на правядзенне адмысловага сацыялагічнага даследавання. Некаторыя недакладнасць выбаркі, думаю, у большасці выпадкаў даравальныя.

Канечне, хацелася б назваць беларускамоўныя сацыяльныя сеткі, але патрэба ў іх пакуль толькі наспявае. Бадай што, адзіная дастаткова развітая сацыяльная сетка, якой карыстаюцца беларусы, — гэта платформа для благаў, створаная амерыканцамі, — Жывы Журнал (livejournal.com). Яна дае магчымасць весці свой блог (дзённік) амаль на любой мове і дазваляе аб’ядноўвацца ў суполкі па зацікаўленасцях. Цяжка на дадзены момант сказаць, колькі беларусаў маюць блог на ЖЖ (LJ), бо вялікая колькасць з іх пішуць

па-руску і іх складана аддзяліць ад рускамоўных жыхароў іншых краін, але, прынамсі, існуе больш за 50 суполак з рознай тэматыкай (ад гісторыі і гламурнага ладу жыцця да музыкі, тэатра і рэгіянальнай інфармацыі), якія геаграфічна прывязаны да Беларусі. А колькасць удзельнікаў, якія рэгулярна праглядаюць паведамленні самай папулярнай на сённяшні дзень суполкі — minsk.by, ужо амаль дасягнула 4 тысяч (прыкладна ў 8 разоў больш за наклад часопіса, які вы зараз трымаеце ў руках). І гэта — толькі зарэгістраваныя карыстальнікі, без уліку тых, хто не мае свайго рахунку на ЖЖ. Суполка і падтрымліваецца, і напаўняецца добраахвотнікамі.

Як і іншыя сацыяльныя сеткі, беларускі ЖЖ — выдатны інструмент і для збору інфармацыі, і для заадавання настройў сярод чытачоў. Яго ўжо ацанілі супрацоўнікі Радыё Рацыя, Еўрарадыё, Радыё Свабода, «Нашай Нівы», «Белгазеты» і шматлікіх самвыдатных бюлетэняў і часопісаў. Нават «СБ» пільна сочыць за паведамленнямі ў блогах, мяркуючы па выбарцы цытат (якія, на думку саміх блогераў, неапраўдана вырваныя з кантэксту) у некаторых артыкулах.

Трэба дадаць, што бласфера ўвогуле — гэта поле, дзе расце такая новая «ягада», як грамадзянская журналістыка. Можа, не заўсёды дастаткова прафесійна глыбокая, але ўжо дакладна больш аператыўная за ўсе традыцыйныя СМІ. Калі побач з блогерам нешта гарыць, то фотаздымкі і відэа, прыпраўлены асабістымі ўражаннямі ды меркаваннямі іншых сведкаў, з’яўца ў сеціве раней, чым на тэлебачанні ці ў папяровым выданні.

Людзі, ужо знаёмыя з блогамі і кам’юніці, часта скардзяцца, аднак, што, каб знайсці сапраўды цікавую інфармацыю, трэба перачытаць вялікую колькасць «шлаку». Гэта праўда. На тым жа minsk.by з дзясці допісаў дакладна палова будзе тычыцца побытавых тэмаў накшталт «дзе купіць квадратныя лямпачкі». Ад гэтага нікуды не дзенешся. У сацыяльнай сетцы людзі

вырашаюць у першую чаргу свае праблемы. І калі сёння іх усхваляваў мітынг, які яны бачылі і здымалі відэакамерай з мабільнага тэлефона, то заўтра іх цікаваць лямпачкі. Гэта, канечне, недахоп бласферы і сацыяльных сетак увогуле, калі разглядаць іх як крыніцу інфармацыі і інструмент з журналісцкага арсеналу. Але праблема вырашальная.

Па ўсім свеце разам з блогамі існуюць і «каляблогавыя рэсурсы». Такія, як digg.com, reddit.com, techmeme.com. Яны спрабуюць адсачыць самае цікавае ў бласферы, сабраць канцэнтраваную выбарку па папулярнасці ў адным месцы і гэтым з’эканоміць час і палегчыць навігацыю па сеціве для сваіх карыстальнікаў. Робіцца гэта наступным чынам. Напрыклад, аўтаматычна падлічваецца колькасць праглядаў нейкага допіса, колькасць спасылак на яго ў іншых рэсурсах і каментароў, якія ён сабраў. Артыкулы-допісы збіраюць з розных крыніц і прапануюць наведвальнікам ацаніць іх ужо на сваіх старонках. А атрыманая ў выніку адзнака ўплывае на агульны рэйтынг допіса. Такім чынам высвятляюць, што на дадзены момант самае папулярнае, а значыць, хутчэй за ўсё, і самае цікавае ў бласферы і, магчыма, у інтэрнеце ў цэлым. (Тут, мабыць, мае сэнс адзначыць, што блогеры часта абмяркоўваюць не тыя тэмы, якія ў якасці самых важных абіраюць СМІ, ці хаця б раскрываюць іншы ракурс агульнапапулярнай навіны.)

Наспела патрэба ў такім інструменце і ў беларускім, пакуль адносна невялікім, сеціве, якое, аднак, дынамічна развіваецца. Намаганнямі некалькіх актыўных блогераў надаўна з’явіўся сайт 101blog.net. Пакуль рэсурс праходзіць самую жорсткую «абкатку» сваіх сервісаў, але нават за месяц існавання ён паспеў звярнуць на сябе пільную ўвагу як саміх блогераў, так і журналістаў. У базе дадзеных сайта больш за 11000 благаў, сярод іх як блогі з LiveJournal, так і асобныя, не звязаныя паміж сабой

сацыяльнай сеткай. Напрыклад, гэтка як блог Брэчэка з сайта **telegraf.by** ці асобныя прыватныя або калектыўныя блогі на сістэме Wordpress (**pozirk.org** ды іншыя). Аналізуюцца таксама RSS-рассылкі (рассылкі навінаў) з сайтаў па беларускай тэматыцы і блогі з сістэмаў, якія пакуль не вельмі паспяхова канкуруюць у Беларусі з LJ, але таксама прадукуюць змястоўныя допісы на платформах **diary.ru**, **vox.com**, **blogs.tut.by** і іншых.

Сістэма існуе для таго, каб дазволіць наведнікам на адной старонцы ўбачыць самыя цікавыя допісы дня, тыдня, самыя актыўныя дыскусіі і актуальныя праблемы, усё тое, пра што заўтра напішучь газеты і скажучь па радыё. Але пакуль гэта толькі тэмы для прыватнага абмеркавання ў асабістых блогах беларусаў!

Пасля аўтаматычнай рэйтынгуюкі самага папулярнага за дзень допісы трапляюць да рэдактараў-добраахвотнікаў, якія каратка перадаюць змест палемікі або агульную тэндэнцыю, каалі шмат допісаў на адну і тую ж тэму, і ставяць артыкул з усімі спасылкамі на крыніцы, дыскусіі па гэтай праблематыцы, больш старыя запісы на тую ж тэму ў раздзел ТОП. Вось у ТОП кароткае паведамленне: «У лясах Віцебшчыны збор грыбоў забаронены назаўсёды. Беларускія блогеры збольшага не падтрымалі ідэю, бо лічаць гэты загад прадуктам лобі польскіх прадпрыемальнікаў, што вырошчваюць шампінёны». Вы можаце чытаць наступны допіс, не губляючы шмат часу, а можаце, каалі тэма вас зацікавіла, заглябіцца ў яе. У самім ТОП-артыкуле будзе некалькі арыгінальных допісаў блогераў па тэме, спасылка на тых, хто яшчэ гэта каментуе ў сваіх дзённіках, а таксама спасылкі на звязаныя з вызначанай праблемай катэгорыі допісаў. Напрыклад, допіс пра забарону на продаж грыбоў гіпатэтычна можа з'явіцца ў катэгорыях «грыбы», «указы», «Віцебск», якія пералічваюцца ў канцы артыкула, і адпаведна, націснуўшы

на патрэбную спасылку, вы прачытаеце ўсе іншыя допісы пра грыбы, указы і Віцебск, якія былі ў рэйтынг **101blog.net**.

Па выніках галасавання за допісы, якія спачатку трапілі ў ТОП, раз на тыдзень абіраюцца артыкулы ў раздзел THE BEST. А ўжо з іх вылучаюцца найцікавейшыя допісы месяца і года.

Пакуль што гэта базавыя і самыя неабходныя функцыі сайта, якія дазваляюць спрасціць адсочванне тэндэнцый у беларускіх сацыяльных сетках, блогах і белінтэрнеце ў цэлым. Плануецца яшчэ шмат цікавага. Напрыклад, каталог беларускіх блогаў па тэмах з кароткім каментаром да кожнага, рэйтынгі беларускіх палітыкаў, музыкаў, культурніцкіх і грамадзянскіх дзеячоў у выглядзе дынамічных графікаў (некаторыя з іх ужо ёсць на сайце ў рубрыцы «чарты»). Таксама плануецца адсочванне беларускіх тэматычных відэа- і фотаматэрыялаў па вышыні іх рэйтынг. Гатовы і будзе ўвесь час абнаўляцца цытатнік блогераў — збор самых смешных, інтрыгоўных або проста цікавых назіранняў, якія беларусы пакідаюць штодня ў сваіх дзённіках. На галоўнай старонцы ўжо ёсць так званае «воблака тэгаў», якое выглядае як падборка словаў-катэгорый — яны пазначаюць, на якія тэмы блогеры пішучь найбольш актыўна. Чым часцей згадваецца слова, тым буйнейшым шрыфтам яно адбіваецца. Такім чынам, заходзячы на сайт, вы адразу бачыце самыя папулярныя тэмы.

Самае выдатнае ва ўсім гэтым тое, што, каалі ў вас з'явіцца думка, як зрабіць лепей і што б яшчэ прыдумаць цікавага, распрацоўшчыкі з радасцю прымуць і па магчымасці рэалізуюць вашу ідэю. Бо сервіс гэты — для вас, а значыць, і замоўца — вы. Пагадзіцеся, гэта прыемна! І ўвогуле, на маю думку, галоўнай прывабнай рысай блогаў, сацыяльных сетак і іншых інтэрактыўных сістэм сённяшняга інтэрнета якраз і ёсць магчымасць двухбаковага абмену інфармацыяй, ідэямі і ўражаннямі. А гэтага нішто іншае, акрамя сеціва і жывых чалавечых стасункаў, пакуль даць не можа.

«...И во время странствий душа его всегда работала»

Василь Быков о Владимире Короткевиче.
Неизвестное интервью

Сергей ШАПРАН

26 ноября — День памяти Короткевича. Это уже давно — сколько бы ни исполнилось Владимиру Семеновичу лет — его день...

В начале 2003 года я готовил для ежемесячного издания «БДГ. Для служебного пользования» публикацию о жизни и творчестве Короткевича, а потому встречался и разговаривал с близкими Владимиру Семеновичу людьми. И хотя Василь Быков жил в то время в Чехии, не поговорить с ним я, конечно, не мог. Позвонив вместе с Рыгором Бородулиным в Прагу, задал Василю Владимировичу несколько вопросов...

Назвать наш разговор интервью можно с натяжкой — тогда я не предполагал печатать этот диалог, просто меня интересовали некоторые моменты в биографии Короткевича. В будущем своем материале я намеревался дать лишь небольшой фрагмент из быковского рассказа, поэтому и не выстраивал нашу беседу именно в жанре интервью. С тех пор минуло более четырех лет. По правде сказать, я уже призабыл о том звонке в Прагу, как вдруг на глаза мне попала аудиокассета с записью голоса Василя Владимировича...

Думается, что с каждым прошедшим годом мы будем больше ценить все написанное и сказанное Быковым, дороже будет каждое неизвестное его интервью. Вот и в этой беседе Василь Владимирович не только рассказывал о Владимире Короткевиче, но и говорил о литературе вообще, в том числе о собственном творчестве. И потому его рассуждения дороги вдвойне.

— **Василь Владимирович, некогда в одном из выступлений Вы сказали, что Короткевич при жизни не получил должного признания. По мнению Адама Мальдиса, эти слова требуют конкретизации: по чьей вине так произошло? Как бы Вы ответили на этот вопрос?**

— По вине прежде всего белорусской литературы. Не могу же я обвинить в недостатке внимания к Короткевичу КГБ — с этой стороны «интереса» к нему было достаточно. И со стороны руководства Союза писателей «внимания» тоже было немало — Короткевича, слава Богу, разрабатывали и, так сказать, сидели на нем. А вот что касается друзей, литературы вообще — в расширенном смысле — внимания

было уделено мало и ему самому, и его произведениям. Потому что известно, куда было направлено внимание литературы того времени — на тех авторов и на те произведения, которым присуждались государственные премии — в ущерб премиям Владимиру Короткевичу. Вот что я имел в виду.

— **Как Вы полагаете, если бы еще при жизни Короткевич был оценен по достоинству, смог бы он написать гораздо больше, чем написал?**

— Ну, это трудно предполагать. Я думаю, каждый пишет столько, сколько он имеет потребности и возможности. И поэтому требовать от Короткевича, чтобы он написал то, чего не написал, нельзя. Я думаю, что

написал он достаточно. Семь томов, кажется, или восемь — собрание сочинений. Это немало. Тем более такого качества литература — поэзия, проза, эссеистика, еще и переписка. Кстати сказать, очень хорошая переписка с Короткевичем, которую напечатал Янка Брыль.

— **Это в сборнике «Шляхам гадоў»?**

— Да, очень хорошая. Я думаю, и другие, с кем Короткевич активно переписывался, могли бы подготовить подобные публикации.

— **Адам Иосифович Мальдис также вспоминал: «Во времена, когда после разносной критики у Короткевича опускались руки, Брыль настойчиво уговаривал его не поддаваться черному настроению и — писать, писать, писать! На это Володя огрызался: «По вашей шкуре писать бы! Кто ж печатать будет?!» В ответ Брыль привел слова Хемингуэя: «Пиши честно, а когда-нибудь тебя признают, пусть после смерти, что уже грустней».**

— Я думаю, что Мальдис был ближе к Короткевичу в то время, они же дружили. Я все-таки жил в эти годы в Гродно, а с ним встречался редко...

Автор всегда освобождается от произведения, над которым он работает или работал годами, только после того, как оно уже выходит в печать. Лишь тогда он от него может абстрагироваться и приступать — хотя бы мысленно — к работе над новым. А если произведение остается

нереализованным, то есть написанным, но не напечатанным, то оно моральным грузом давит на душу. Это ж понятно.

— **Короткевич написал в одном из писем: «Возможно, это судьба положила на плечи каких-нибудь тридцати людей тяжесть целого народа, чтобы узнать, есть ли предел силам человеческим. И тот, кто убежит, — тот хуже дезертира».** Вопрос отчасти риторический: думаю, что в этом смысле

Короткевич никогда дезертиром не был.

— Ну, разумеется, не был. Он много работал, как вол. И в Минске, и в Москве, когда он там учился, и в Орше, и во время странствий душа его всегда работала.

— **Издан восьмитомник Короткевича. Но Мальдис говорит, что написанного Короткевичем хватило бы и на 14–16 томов. Как Вы полагаете: при нынешней власти может ли**

быть осуществлено подобное издание?

— Ну, это я не могу сказать. Это надо у власти спросить, кого она намерена печатать — Короткевича или новых «классиков», которые уже появились у этой власти и которых она очень активно раскручивает.

— **Вы имеете в виду тех, что сейчас оккупировали экспропрированные литературные журналы?**

— Ну, наверное. Вам лучше видно. До меня доходят только некоторые «бестселлеры», которые еще при издании названы таковыми.

— **Выходящие в серии «Бестселлер XXI века»?**

— Вот-вот...

Вообще говоря, в тот день, 20 февраля 2003 года, я дважды звонил в Прагу, первый раз — просто справиться о здоровье Василя Владимировича. Быков говорил, что чувствует себя нормально (накануне, тремя днями раньше, ему было плохо), сам ходил в аптеку — за травой, пить которую посоветовал ему друг Бородулина врач-фитотерапевт Петр Кухарский. Однако, продолжал Василь Владимирович, о траве с таким названием (синий василек) чешские фармацевты не слышали, да и к тому же все там по рецептам. В результате пришлось вызывать «скорую»... В заключение этого первого разговора я сказал, что позже буду звонить вместе с Бородулиным...

Уже когда побеседовали о Короткевиче, Рыгор Иванович пожелал другу: «Ну, дык яшчэ раз, Васіленька, здароўя, здароўя, здароўя, як у Вушачах гаварылі — і ў ручкі, і ў ножкі!» Я же спросил напоследок, не прислать ли белорусских газет в Прагу. Однако Быков ответил, что не надо, поскольку почта будет идти две недели, а не исключено, что за это время он соберется в Минск. И поинтересовался, какая у нас погода. «В районе нуля, но обещают минус 20». «Однако», — только и сказал тогда Василь Владимирович.

В. Быков, В. Короткевич,
Н. Аврамчик. 1973 год

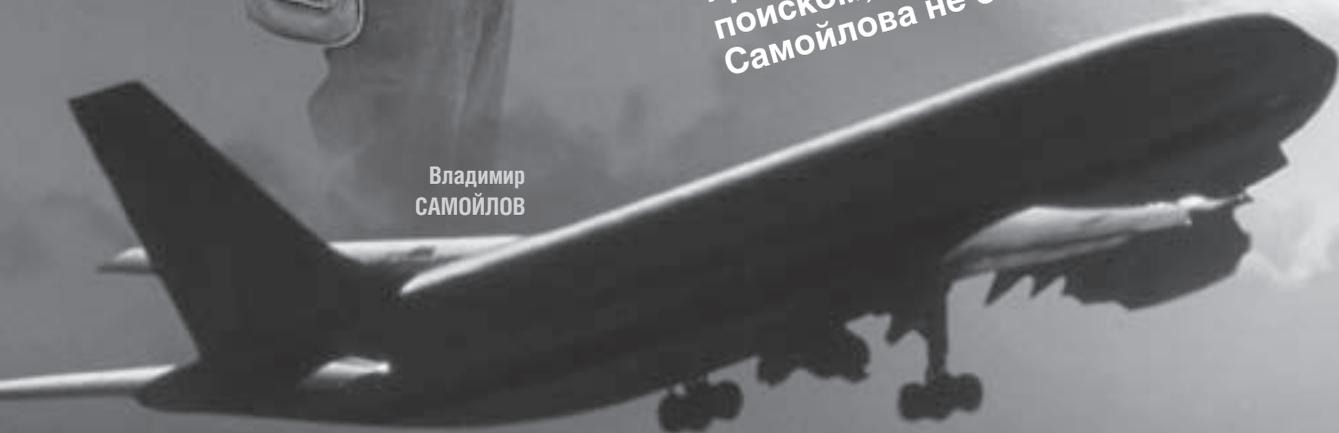
Летайте самолетами, или

В январе после интервью Владимира Самойлова и его коллег задержали сотрудники правоохранительных органов. У коллег забрали кинокамеру, у Самойлова — рабочие корреспондентские материалы. Изучают.

В подобную переделку журналист попал впервые, хотя приключениями, обусловленными профессиональным поиском, судьба Самойлова не обижает.

Владимир
САМОЙЛОВ

Трудные небесные версты до Никарагуа и обратно

(Записки путешественника)

На стене моей кухни висит мачете. Самое что ни на есть настоящее, из Латинской Америки. Рубить бы им и рубить с характерным звоном сахарный тростник! Я с сожалением понимаю, как скучно ему без дела на стене. Но для меня это мачете — целый пласт воспоминаний об одном из моих путешествий, о котором и собираюсь рассказать...

Нет ничего проще, чем добраться до Никарагуа. Из Минска до Варшавы рукой подать, а там недалеко и Амстердам. Чуть подальше будет Мехико, но в хорошем самолете время летит быстро. Там, правда, нужно резко повернуть налево примерно на девяносто градусов — на юго-восток. Это объясняется несовершенством американских континентов. Два толстых куска их соединяются достаточно узкой полоской земли. Кажется, ее можно ножницами перерезать.

Чего меня туда понесло? Просто никогда не был в Чинандега, а тут и повод появился. Выяснилось, что маленький славный городок с каким-то индейским названием Чинандега — побратим Минска. Правда, 99,9 процента

минчан об этом не догадываются. Зато, как ни странно, об этом хорошо осведомлены в Нидерландах, точнее, в городе Эйнховене, который неподалеку от Роттердама.

Оказывается, в Эйнховене есть общество, которое следит за тем, чтобы города-побратимы не просто значились на бумаге, а дружили по-настоящему. Оно и «заказало» меня. Я должен был стать живым проводником этой дружбы. Возможности послать в поездку группу голландцы не имели и искали человека, который мог бы писать, снимать и не боялся частой смены часовых поясов. Словом, предложили мне снять видеофильм о городе Чинандега, что находится чуть ближе к Тихому океану, чем к

Атлантическому, до которого, впрочем, также недалеко. Зрело поразмыслив, я согласился. Не каждый день доводится в одной командировке побывать на берегах сразу двух океанов.

«Ледовое побоище»

Из Варшавы самолет вылетал рано утром, поэтому пришлось ночевать у моего друга, собкора «Труда» в Польше Петра Бурака. В пять часов утра, провожая меня, он задумался и сказал: «Что-то мне сдается, ты опять ввязался в какую-то авантюру. Если вернешься, расскажешь». И мы расстались почти на месяц.

Середина этого месяца прошла очень хорошо. А вот начало и конец... И все мои неприятности были связаны с самолетами...

Народ в большом и толстом «Боинге» собрался разношерстный. Говорили на самых разных языках. Я молчал, так как говорить по-русски было не с кем. Однако не успели мы взлететь, как я почувствовал на своем затылке чей-то пристальный взгляд. Потом кто-то хлопнул меня по плечу.

«Рашен?» Отрицать не имело смысла. «Откуда?» — перешел на русский мужик. «Из Минска», — сказал я. «А я из Калининграда, — и вдруг заорал: — Земляк!» Засыпающие соседи слегка вздрогнули.

«Земляк» действовал быстро. Он хлопнул по плечу моего соседа, кажется, немца и коротко то ли спросил, то ли приказал: «Чендж!» Немец не возражал. Они махнулись местами, и Николай (так звали моего неожиданного земляка) сел со мной рядом. Выяснилось, что он моряк и летит в Африку, но до Амстердама нам было по пути.

Для начала Коля предложил выпить за встречу земляков в европейском небе. Причин не выпить не было. Как раз в это время стюардессы стали двигать по проходам тележки с разными интересными напитками. «Коньяк? Виски?» — спросил я у Коли.

«Ну, ты не патриот», — очень серьезно и несколько укоризненно ответил тот. Порылся в сумке и достал бутылку водки. Водка называлась просто: «Ледовое побоище». Когда я потянулся за завтраком, который предлагала авиакомпания, Коля снова одернул меня: «Да ты совсем не патриот!» Он еще раз нырнул в сумку, достал кусок сала и, налив в стаканы по сто граммов «Побоища», философски произнес: «За встречу». Пассажиры, сидевшие вблизи нас, перестали жевать.

Когда пилот объявил, что самолет пересек воздушную границу Германии, мы выпили за дружбу народов. Само собой, не пропустили и границу с Нидерландами. И напрасно стюардессы предлагали нам итальянские вина и французские коньяки — чем

дальше мы продвигались на Запад, тем становились все более патриотично настроенными. Подлетая к Амстердаму, мы окончательно закрепили наше минско-калининградское землячество и постановили не терять ся на этом «шарике».

К слову, Коля предлагал и немцу присоединиться к нашему «Побоищу», но тот не врубился. То ли французского коньяка перебрал, то ли ему стало обидно за своих предков — тевтонских рыцарей, бездарно проигравших битву, в честь которой и был назван наш чудесный напиток.

В аэропорту Амстердама Коля решительно направился в сторону Африки, а я — в сторону Америки. Мой самолет на Мехико улетал через пару часов, и я пошел побродить по огромному амстердамскому аэровокзалу. В одном из залов неожиданно наткнулся на Николая — тот лихорадочно листал свой билет. До отлета его лайнера оставалось совсем немного, а он никак не мог определиться, в какие «ворота» (по-английски Gate) нужно идти. Он вообще слова «gate» не знал, как и большинства других английских слов. Меня он встретил, как путники в пустыне человека с флягой воды!

Коле повезло. Он находился всего в сотне метров от «ворот», за которыми ждала Африка.

Подозревается в эмиграции

Тоска летать в самолетах компании «KLM». Честно говоря, когда впоследствии узнал, что она обанкротилась и была перекуплена другим авиаперевозчиком, даже обрадовался. Но летел я через океан на самолете именно этой компании.

Летел целых шестнадцать часов. Тоска.

Конечно, обслуживание было на высоте. И все было сытно и вкусно. Но в самолетах «KLM» запрещено курить. Даже в туалетах висели объявления: с появлением запаха сигаретного дыма прозвучит сигнал тревоги. Экспериментировать с сиреной или выходить покурить на крыло

как-то не хотелось. Пришлось терпеть.

Наконец объявили, что мы подлетаем к Мехико. Самолет уже медленно снижался над каким-то бесконечным, как океан, городом.

Сели мы хорошо, что бывает не всегда, как я понял во время того моего путешествия. Перед посадкой я вынул из сумки факс, который мне прислали из Эйнховена. В нем было написано, что мне в Мехико бронирован номер в отеле «Хилтон». Я уже предвкушал, как лягу на широкую кровать (а кровати в этих отелях самого высокого класса просто безбрежны). Как доставил из мини-бара холодную бутылочку пива, помоюсь в душе и пойду по улицам славного города Мехико, в который я попал впервые...

И даже очередь на «вход» в страну не смутила меня. В Мехико таможенники и пограничники гораздо более проворные, чем у нас. Особых проверок не учиняют. Глянут на секунду в лицо пассажира — и тут же штампуют паспорт.

Мой друг в погонах Михаел

Неожиданно они прекратили спор, куда-то позвонили, и через пару минут здоровенный полицейский вежливо, но твердо взял меня под руку. Он повел меня куда-то подальше от выхода в город. Тут я понял, что широкая кровать в одном из лучших отелей мне не светит.

Минут через пятнадцать мы дошли до комнаты, которая по внешнему виду мало напоминала зал ожидания. Скорее — большую полицейскую камеру. Полицейский жестом показал мне на скамейку, сам сел на противоположную, закинул ногу за ногу. И по этому красноречивому жесту ногами я понял, что тет-а-тет нам придется оставаться долго.

Я попытался выудить хоть какую-то информацию, но полицейский по-английски знал всего три слова: «I don't speak English». Видимо, к нему нередко приставали с дурацкими вопросами, пришлось выучить один, но веский ответ.

Через полчаса тишину нарушил какой-то человек, по-видимому, начальник. Он уже «спикал», и я попросил его приставить ко мне другого усатого — в Мехико все полицейские носят усы, — который бы знал язык международного общения.

Как ни странно, мою просьбу удовлетворили почти сразу. Вскоре другой усатый с пистолетом и наручниками сел напротив меня, закинув ногу за ногу. На вопрос: «What's your name?» — он ответил коротко: «Михаел». И даже чуть-чуть улыбнулся.

В компании с Михаелем я провел почти сутки. Мы сидели на жестких лавках напротив друг друга, но уже не как заключенный и надзиратель, а скорее, как два случайно встретившихся человека, которым ничего не остается, как познакомиться.

Правда, когда мне захотелось перекусить и я попросил Михаеля посидеть с моими вещами, пока схожу в ближайший буфет, тот категорически не согласился. Пришлось взвалить на себя тяжелые сумки и вдвоем плестись к буфету.

Но, когда я гордо предъявил свой паспорт, мексиканский мужчина в синей форме посмотрел на меня пристальным и долгим взглядом. Я автоматически открыл большую сумку с видеокамерой и поменьше — с кассетами и другими вещами, необходимыми в путешествии.

Однако мужик даже не взглянул на содержимое сумки. Он постучал пальцем по моему паспорту и сказал всего одно слово: «Виза».

Визы, действительно, в паспорте не было. Впрочем, зачем она, если я летел дальше, совсем в другую страну? Это я и попытался растолковать тому мексиканскому мужику. Достал билет, который должен был подтвердить мои слова, потом показал факс, в котором был указан адрес отеля, телефон и пожелание в течение суток, до отлета в Никарагуа, хорошо отдохнуть в Мехико.

Увы, пожеланию этому сбыться было не суждено. Мне объясняли, что для выхода в город даже на короткое время нужна виза. Билет не является основанием пустить меня в Мехико. Тем более какой-то факс. Мне растолковывали это по-английски, и диалог был достаточно трудным. Видимо, они говорили с испанским акцентом, а я — со славянским. Один акцент накладывался на другой, что приводило к некоторому непониманию сторон.

Со своей стороны я был один. На мексиканскую сторону прибыло подкрепление. Уже три человека объясняли мне абсурдность моих притязаний на кровать в «Хилтоне». Кроме того, они никак не могли понять, из какой страны я прибыл. Похоже, Беларусь на карте Европы невозможно разглядеть из Мексики. Потом служивые гипотетически допустили, что такая держава все же есть. Но тут же высказали серьезное опасение, что я могу эмигрировать в Мексику.

«И не мечтаю!» — заявил я с негодованием. И подколот: это от вас-де тысячи мексиканцев эмигрируют в США через северную границу.

Мое заявление показалось мексиканцам не слишком тактичным. Они перешли на тон выше, стали размахивать руками и время от времени произносить короткие выражения по-испански.

Я, в ответ на их короткие испанские применив некоторые такие же короткие русские, наконец сформулировал самый убийственный аргумент: есть ли при наличии у меня обратного билета в Минск хоть какой-то смысл оставаться в их дыре под названием Мехико?

Тем более что я не знаю их испанского языка и не похож на мексиканца. Я даже снял шапку, чтобы продемонстрировать свою белокурую голову. И добавил, что в Никарагуа меня ждет работа.

Предложил Михаэлю бутерброд, но он отказался. Видимо, у них на службе, в отличие от нас, не только не пьют, но и не едят.

Когда понадобилось в туалет, я опять взвалил на себя сумки. Михаел, как большая, но преданная тень, шел рядом. Он останавливался у двери мужской комнаты, правда, время от времени выглядывал из-за угла, проверяя, чем я там занимаюсь. Потом мы шли обратно, с трудом пробираясь сквозь толпу оживленных пассажиров, говоривших, как в Вавилоне, на самых разных языках.

Остальное время мы мирно беседовали. Надеюсь, эти строки не прочтает начальство Михаэля и не влепит ему выговор с занесением за неуставные беседы с подозрительным задержанным, претендовавшим на «Хилтон».

Я ему рассказывал о себе и о своей неизвестной здесь стране. Он — о себе.

Михаел служит в подразделении, обслуживающем аэропорт Мехико. В день он зарабатывает двадцать долларов. В месяц — четыреста-пятьсот. Женат. У него четверо мальчиков. Трехкомнатная квартира стоит двести долларов в месяц. Но на жизнь хватает. В Мехико можно жить, сказал он.

Утром мой друг Михаел проводил меня на посадку. Когда очередь дошла до меня, он вынул из нагрудного кармана мой паспорт, билет и злополучный факс и философски сказал: «Когда будешь лететь обратно в свою Беларусь, давай лучше не встречаться».

И действительно, на обратном пути при пересадке в Мехико мы не встретились. Но горя в этом Мехико я и тогда хлебнул не меньше, если не больше...

На финише ждало пиво «Виктория»

Поскольку я не спал ночью, в самолетном кресле тут же заснул мертвым сном. Открывал глаза только при взлетах и посадках. Сначала сели в Гватемале, потом в Сан-Сальвадоре. Еще где-то. Пассажиры входили и выходили, как в пригородном автобусе.

Многие были одеты в национальные индейские одежды. У них было много поклажи и детей. Судя по всему, жизнь в Центральной Америке кипела, а самолет был совершенно обычным средством передвижения...

Наконец мы сели в Манагуа.

Парила! Температура воздуха — около сорока градусов при огромной влажности.

После чисто формальной таможенной проверки на привокзальной площади меня обступили очень даже громкоговорящие водители такси. Они готовы были отвезти меня даже в Чинандегу, которая, как выяснилось, находилась в сотне километров от столицы.

Но меня должны были встретить незнакомые мне люди из Нидерландов — они прилетели из Европы на несколько дней раньше. И должны узнать меня по бороде и видеокамере. Но время шло... Честно говоря, мне стало немного не по себе. Может быть, произошла какая-то накладка? Что мне делать одному между двумя Америками — Северной и Южной?

Через час передо мной затормозила машина, из которой вышли полноватая пожилая женщина и молодой человек. Женщина стала извиняться за опоздание. Оказывается, несколько дней назад произошло небольшое извержение вулкана, дороги оказались заваленными лавой и пеплом, и их только начали расчищать. Явление для тех мест рядовое, но неприятное.

Агнесс (так звали женщину) была руководителем нидерландского проекта, желавшего поближе познакомиться далеких побратимов — Минск и Чинандегу. Для чего это нужно было голландцам, я так и не понял. Но они организовали мою поездку в эту страну, и я им был благодарен.

Агнесс, взглянув на мою промокшую от пота рубашку, предложила выпить с дороги холодного пива. Торопиться было некуда, и я согласился. Мы зашли в привокзальный ресторан под открытым небом, и я впервые за все путешествие расслабился.

Правда, любимой мною «Алива-рии» там не оказалось, но пиво «Виктория» было ледяным и пилось хорошо, почти как в буфете, который находится рядом с минским Домом прессы.

Потягивая пенный напиток, я рассказал моим собеседникам о том, что случилось со мной в Мехико.

«That's beautiful adventures», — все время восклицала Агнесс.

Ничего себе прекрасное приключение, думал я. Ей бы такое.

Попив пива, мы сели в машину с хорошим кондиционером и двинулись на север от столицы — в

славный город Чинандегу. Дорога действительно была местами сильно завалена лавой. Некоторые мосты снесены потоками селя. Но местный народ не унывал. Сотни людей расчищали дорогу и восстанавливали мосты. Желтые американские автобусы были до отказа набиты пассажирами, некоторые сидели даже на крыше.

Чуть-чуть истории

Земля Никарагуа прекрасна. Судьба — трагична. Начиная с того самого времени, когда здесь высадился Христофор Колумб со своими людьми.

Во времени нынешнем самые страшные потрясения случились в 70-х годах XX века, когда к власти пришел диктатор Сомоса. С переменным успехом бои между партизанами и про-диктаторской Национальной гвардией шли практически во всех районах страны. Иногда они даже завязывались в столице и таких крупных городах, как Леон, Гранада, Масая. Базы повстанцев находились как внутри страны, так и в соседних государствах — Гондурасе и Коста-Рика.

Некоторые государства, прежде всего США, поддерживали

«Ста лет одиночества». Тот оказался, объяснив свое решение так: «Я бы продал право на экранизацию, если бы эти деньги можно было отдать на революцию в Латинской Америке. Но я не вижу такой революции». Спустя несколько дней Маркесу позвонили. Говорил из Парижа священник Эдуардо Карденаль: «Габриель, продавай права. Есть такая революция».

Так 5 миллионов долларов пошли на оружие сандинистам.

После этого Сомоса ужесточил цензуру. Из библиотек изымали и сжигали книги. Достоевского жгли за то, что он русский,

«коммунистов» оказались не только Боб Дилан и Джоан Баэз, но и «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Пинк Флойд» и даже «Бони М»...

К исходу десятилетия сомосовской диктатуры у восставших никарагуанцев становилось все больше и больше сторонников. Ряд стран, прежде всего Мексика и Панама, перестали признавать режим Сомосы. Правительству Джимми Картера не осталось ничего иного, как прекратить помощь диктатору. Сомоса бежал в Парагвай, но никарагуанские партизаны нашли его там. Они расстреляли машину экс-правителя прямо на улице.

У власти оказались сандинисты во главе с Даниелем Ортегой Сааведра.

Народ победил диктатуру, и должна была начаться счастливая эра в истории Никарагуа. Однако этого не произошло. Революция — это одно, экономика — совсем другое. Несмотря на огромную помощь СССР и других стран, Никарагуа так и не смогла выбиться из вековой своей нищеты.

Сандинисты должны были уйти...

Впрочем, никто тогда даже не мог предположить, что они, во всяком случае, их вождь Ортега, хотя и не скоро, но вернуться.

Так что название местного пива «Виктория» здесь снова стало актуальным...

Сомосу. Американский президент тогда так определил ситуацию: «Конечно, Сомоса — сукин сын. Но это наш сукин сын...» СССР поддерживал повстанцев. Сильные мира помогали воюющим сторонам материально, но прежде всего — оружием. Вооружены в Никарагуа были практически все. До сих пор в Манагуа стоит знаменитый памятник — человек с автоматом Калашникова.

В то время Голливуд предложил знаменитому писателю Габриелю Гарсия Маркесу 5 миллионов долларов за экранизацию

Маркеса — за то, что пособник сандинистов, фильмы с участием знаменитых комиков братьев Маркс были изъяты и уничтожены из-за одной только «коммунистической» фамилии.

Кстати, иностранные журналисты тогда первыми заметили, что англоязычные песни в Никарагуа можно услышать лишь в международных гостиницах и исключительно Фрэнка Синатру, Элвиса Пресли и «Бич Бойз». Оказалось, Сомоса лично утвердил список из 284 групп и солистов, запрещенных «за пропаганду коммунизма». Среди

Чинандега — побратим Минска

Городок этот находится у подножья большого вулкана, название которого, как сейчас помню, Чонко. И еще один вулкан расположен рядом, но скрыт под водной поверхностью Тихого океана. Подводный вулкан все время «пыхтит», поэтому плавание в этом месте сильно напоминает купание в парном молоке. Впрочем, об этом чуть позднее.

В центре Чинандеги — маленький фонтан. В нем живут довольно большие крокодилы. Мой совет: если будете в Чинандега, не наклоняйтесь к этому

фонтану. За несколько дней до моего приезда крокодил отхватил руку у слишком любопытного туриста, который не удосужился прочесть предупреждающую об опасности табличку, написанную по-испански.

Кстати, первым из европейцев на землю Никарагуа ступил Колумб. С испанским у него все было нормально.

Центр Чинандеги напоминает техасские города из ковбойских фильмов. Узкие улицы четко разбивают его на строгие квадраты. Движение везде только одностороннее. Во всем городе всего пару светофоров, а из дорожных знаков применяется практически только один: «ALTO». Это означает, что вы пересекаете главную улицу и должны быть поосторожней.

Городского общественного транспорта нет, но зато по этим улицам носятся старенькие такси, чем-то похожие на «Жигули», у половины из которых нет дверей, багажников и даже капотов. Как они проходят техосмотр? Но гудки у всех пронзительные. Без гудка тут просто никуда.

Можно сказать, что Чинандега — город контрастов. Если в центре дома хоть и плохонькие, но зато каменные, то все окраинные районы сплошь выстроены из... картона. Новое жилище тут построить просто: берут картонные коробки из-под бананов и других фруктов, режут их на куски, «монтируют» стены. Двери и окна не обязательны. Крышу делают из тростника. Дожди здесь идут по расписанию. Почти всегда начинаются на рассвете и заканчиваются к полудню.

Как-то меня пригласили посетить новую местную больницу, чинандегцы ею очень гордились. Больница была забита до отказа. Я спросил: может, случилась какая-то эпидемия? Нет, пояснил мне главврач, люди попадают в больницу с холодными обмороками. В те дни резко похолодало. Температура воздуха упала до... плюс 25 градусов.

Но в тот сентябрьский день, когда я приехал в Чинандегу,

ртутный столбик держался гораздо выше сорока. Агнесс сказала, что гостиницы в городе прескверные, поэтому мы поселимся в доме местного адвоката, который любезно согласился предоставить нам пару комнат.

Адвокат Луис Карлос живет с женой в доме напротив мэрии, в которую я потом ходил каждое утро. На выходные из соседнего города Леон приезжает сын Алехандро с семьей. Тогда дом наполняется детскими голосами. В остальное время здесь царит почти полная тишина. Клиенты приходят к стареющему адвокату редко, они уединяются в библиотеке и о чем-то тихо разговаривают.

Полноправные члены семьи — пес по имени Colonel (порусски Полковник) и кот Major, то есть Майор. Полковник все время лежит в библиотеке, иногда на большом крыльце. Младший по званию кот ведет более активный образ жизни.

В доме адвоката также маленький обувной магазинчик. Однако покупатели заходят в него еще реже, чем к адвокату наведываются клиенты.

В Чинандеги никто никуда не спешит. Если в мэрии (по-здешнему алькари) назначали выезда, к примеру, на 9 утра, это означало, что часов в 10, а то и в 11 выедем на съемки. Сначала я тихо возмущался, потом привык. Сидел вместе с Полковником на крыльце адвокатского дома и наблюдал за жизнью «главного городского штаба». В дверях все время стоял полицейский, но никого не останавливал и ни у кого не требовал документы. Может быть, думал я, именно из-за такой непунктуальности и неспешности они и делали свою революцию ровно два десятилетия?

Впрочем, в те дни революцией и не пахло. Казалось, все давно забыли о страшных днях. Страна жила очень даже мирной жизнью.

Оказывается, Чинандеги помогают не только голландцы, которые строили здесь большой крытый рынок, но и немцы, американцы и даже японцы. Одни

проводили линии электропередачи, другие строили маленький мясокомбинат, третьи — дороги в пригородных деревнях.

Моя переводчица — русская девушка Оля — по основному месту работы была зоотехником в одной из крупных сельскохозяйственных фирм. Как специалист, зарабатывала очень даже неплохо — около двух тысяч долларов в месяц. Для Никарагуа это просто фантастические деньги (простые люди здесь зарабатывают около пятидесяти долларов в месяц).

Оля родом из Кубани. Когда-то вышла замуж за

никарагуанского студента, приехала на его родину. Здесь у них родился сын. С мужем развелась. Мечтала накопить денег и уехать с сыном в США или Канаду.

Она особо и не интересовалась тем, что происходит в странах бывшего СССР.

Телевизионных каналов в наше время везде хватает, в том числе и российских.

Никарагуанские Козлевици

Как-то ехали мы нашей большой шумной компанией мимо одного вулкана, напротив что есть глаз простиралась поля. В Никарагуа созревают минимум три урожая в год, здесь все время что-то сеют, а что-то убирают.

И тут в клубах пыли я увидел очертания знакомой до боли машины. Это был трактор «Беларус-50». За ним появился второй. Я попросил остановиться.

Мы с Олей подошли к местным механизаторам. Они как раз загружали сеялки зерном. Грязные рубашки и старые штаны на них были точь-в-точь, как у наших. И вообще, они во всем напоминали белорусских трактористов, с той лишь небольшой разницей, что говорили сугубо на испанском.

Самым разговорчивым оказался тракторист Ригоберто Рио Флорес. Их кооператив почему-то назывался «Индустриальное предприятие». Я спросил, почему. Ригоберто показал на белорусские трактора, и я понял, что именно благодаря им предприятие стало индустриальным.

Кооператив имел — во владении и в аренде — около 2,5 тысяч гектаров земли. Выращивали в основном сорго и сахарный тростник. Картофеля, который когда-то Колумб привез в Европу из Америки, среди возделываемых культур почему-то не значилось.

В кооперативе работали около ста человек. Как и в наших сельхозпредприятиях, был небольшой управленческий аппарат, который здесь называется бюрократическим. Как и у нас, в страду трактористы работают

по 12 часов в день. Но, поскольку страда здесь всегда, битва за урожай идет permanently.

Ригоберто с наслаждением вспоминал времена, когда у власти были сандинисты. Конечно, постреливали тогда нередко, зато, по его мнению, можно было не думать ни о чем. Электричество и вода в деревне бесплатные. В магазинах было не густо, зато дешево. За хорошую работу давали телевизоры, причем совершенно бесплатно. Прямо как у нас во времена широкого развертывания соцсоревнований.

Ригоберто похлопал своего «железного коня» по дверце. По его мнению, эта машина совершенно чудесная. Для справки: когда-то много-много лет назад СССР сделал Никарагуа поистине царский подарок — бесплатно поставил революционному правительству аж 10 тысяч тракторов «Беларус».

С тех пор шли годы, менялись правительства, вырастали новые поколения никарагуанцев, но одно было неизменным. На полях работали все те же белорусские тракторы.

Тракторист почему-то обратился ко мне — наверное, больше не к кому было — попросил прислать им немного запчастей. Тогда на этих почти вечных тракторах они протянут еще с десяток лет. Тут я вспомнил незабвенного Козлевица с его «Антилопой», но Ригоберто, видимо, не читал великого произведения Ильфа и Петрова.

Американские «Джон Дир» они не могут купить — не по карману. Кредит в банке также взять нельзя — попадешь в долговую яму. Можно продать крупным землевладельцам, но и это не выход. Тогда кооператив потеряет все свои земли. По мнению тракториста, самым лучшим выходом было бы покупать новые белорусские трактора в лизинг. На несколько лет. Отдавать долг можно деньгами, но лучше сельхозпродукцией. Об этом всегда можно договориться.

Ригоберто посмотрел на часы. Сеялка была уже загружена,

и нужно было двигаться. Он с надеждой на скорое сотрудничество с белорусской стороной пожал мне руку. Трактор через минуту скрылся в облаке пыли. Откуда она берется, если тут ежедневно идет дождь? Видимо, все объясняется просто: там, где белорусские тракторы, там и пыль. Они неразлучны...

Судьба адвоката

Ближе к вечеру — а темнеет в Никарагуа очень рано — мы вернулись в гостеприимный дом адвоката. Ужин предлагала хозяйка. Общались мы с ней просто. Когда приходило время приема пищи, она кричала: «Володья, банкетто!» Адвокат обычно уже сидел за столом с газетой в руках. Он кивал мне головой и опять погружался в чтение.

О судьбе своего отца мне как-то в выходные рассказал Александр, который в свое время получил высшее образование в России и говорил по-русски.

Когда-то хозяин приютившего нас дома был одним из крупнейших адвокатов страны. Имел несколько домов, владел землей. Однако адвокатом владели революционные идеи, которые бродили по земле Центральной Америки уже несколько веков подряд.

Адвокат не слишком дорожил своим богатством, совершенно справедливо считая, что все люди должны жить в равных условиях. Сам активно не участвуя в последней революции, чем мог помогать сандинистам. В итоге отдал на дело революции свои дома и другую недвижимость, перечислил со своего счета на счета сандинистской партии небольшие сбережения.

Дело революции сначала триумфально победило, но потом стала побеждать многопроблемность послереволюционного бытия. Ортега ушел с политической арены страны вместе со своими главными соратниками. Соратники, впрочем, сложив оружие и высокие посты, решили окопаться экономически.

Сын адвоката рассказал мне, что после поражения сандинистской революции самыми богатыми в стране оказались... сандинисты. Точнее, партийная верхушка. Они с почти революционным энтузиазмом начали строительство буржуазного общества, но уже не с «калашниковым», а с серьезным первоначальным капиталом.

Адвокат в их число уже не входил. У него-то и имущества, кроме дома и автомобиля, почти не осталось. Слава Богу, сын получил бесплатное и, в общем, неплохое образование в СССР. Теперь в Леонском университете у него хорошая зарплата...

Сто метров побережья за 150 долларов

В воскресенье Оля предложила съездить на ранчо к ее друзьям. На берег Тихого океана. Утром за нами заехала на белом полугрузовом джипе еще одна русская девушка — Татьяна, подруга Оли.

Через час мы выехали на достаточно пустынный берег Тихого океана, где одиноко стоял небольшой белого цвета дом, окруженный пальмами и какими-то другими неведомыми мне деревьями. Это и было семейное ранчо никарагуанско-русской

семьи. Несколько лет назад муж Татьяны Мигель, предприниматель средней руки, купил пару километров тихоокеанского побережья с домом всего за пару тысяч долларов. Здесь, кроме деревьев, ничего не росло, поэтому цены были соответствующие. Пахотные земли в Никарагуа стоят дороже.

Во время нашего легкого завтрака я спросил, сколько будет стоить метров сто этого побережья. Мигель прикинул что-то в уме и сказал, что так мало никто не покупает, но приобрести «стометровку» можно долларом за сто пятьдесят.

Как раз американская сотня с мелочью лежала у меня в кармане. Вспомнилось почему-то, что действие знаменитого романа О. Генри «Короли и капуста» в основном происходит как раз в Никарагуа...

Ветер, который дул со стороны океана, постепенно усиливался, гнал на нас то ли дождь, то ли брызги волн. Но, если сейчас же не окунуться в Тихий океан со стороны Америки, потом поздно будет. Я решительно спросил, где здесь пляж. Выяснилось, что пляж тянется на сотню километров как в одну сторону от моего белого стула, так и в другую. Хозяйева отговаривали меня от моей затеи. Ветер поднялся довольно сильный, и огромные серые волны одна за другой накатывали на берег. Но как, скажите, не использовать такой шанс?

Дно ревущего океана было песчаным и ровным, до приемлемой для плавания глубины пришлось брести довольно долго. Несколько раз волны сбивали меня с ног и выбрасывали обратно на берег. Наконец очередная волна перевернула меня и протаснула по песчаному дну, как будто по наждачной бумаге...

И все же купаться в Тихом океане в этом месте было наслаждением поистине райским! В нескольких километрах от берега — подводный вулкан, он подогревает воду, словно огромный примус. И вода была почти горячая!

Впечатления несколько испортила голландка Агнесс — она, словно курица с кубинской сигаретой, бегала по берегу и кричала, чтобы я прекратил опасное купание. Что я в конце концов и сделал, рассудив, что мое поведение никак не укрепляет дружбу между Минском и Чинандегой, опекаемую представительницей голландского города Эйнховен.

Мы возвращались в город воскресным вечером. Нам навстречу из города после хорошо проведенного времени возвращались крестьяне в переполненных автобусах и грузовиках. Некоторые шли пешком, слегка пошатываясь. Ольга сказала, что обычно местные крестьяне не пьют, тем более не употребляют наркотики. Но воскресенье — исключение. В основном простые люди предпочитают местный самогон, запивая его пивом.

На здешнем диалекте самогон называется совершенно романтически — «туга». К сердцу подкатила какая-то теплая волна, пахло чем-то уж совсем белорусским. Правда, «потужить» мне в той командировке так и не удалось. Бледнолицым самогон,

в отличие

от наших краев, тут не продают. Бледнолицые, кроме сока, должны пить рон (то же самое, что кубинский ром, но лучше) и пиво «Виктория», названное, видимо, в честь победы революции.

Кукарача и другие

Конечно, «хороши в России вечера», но в Никарагуа, уверен, не хуже. К этому времени дождь всегда прекращается. Становится тихо и уютно. Народ выходит на улицы. Одни направляются в костел, другие просто сидят на крыльце своего дома, о чем-то вполголоса разговаривая.

В это время обычно и я выходил на прогулку. Поскольку городок Чинандега небольшой, видимо, я достаточно примелькался местным жителям. Некоторые даже стали здороваться со мной, как со знакомым с детства.

В основном курсировал по одному маршруту — между бассейном с крокодилами и костелом. По дороге осматривал витрины магазинов, в основном с сувенирами. Иногда выпивал чашку кофе в полупустом кафе. Почти ежедневно проходил мимо магазина похоронных принадлежностей, который расположен в самом центре города напротив бензоколонки и почему-то, как и она, работает допоздна. Хозяин обычно покурил на пороге своего заведения и здоровался со мной, как со старым знакомым и, возможно, потенциальным клиентом. Иногда он заводил разговор на таком же плохом, как и у меня, английском. Может быть, именно поэтому мы хорошо понимали друг друга.

Возвращался я в дом адвоката довольно поздно, когда все уже спали. Однако дверь на ночь не закрывалась.

За ней дремал, но дремал бдительно, огромный пес по имени Полковник, а рядом с ним — кот по имени Майор. Впускали они только своих, к коим, за что я им бесконечно благодарен, причислили и меня...

Спозаранку хозяйка будила меня своим призывом: «Володя, банкетто!»

Однажды утром из-под большого кухонного шкафа выползла черепашка. Она вполне мирно направилась к нашему столу, но хозяйка с криком «кукарача!» раздавила черепашку каблуком! Честно говоря, я опешил от такой жестокости. «Кукарача, кукарача», — махала руками хозяйка. Оказалось, что кукарача — это совсем даже не черепашка, а местное название тараканов.

Всякой беспорядочно ползающей живности в Никарагуа хватает. Например, как только темно, откуда-то появлялись

маленькие ящерицы. Они бродили по стенам моей комнаты, ползали по потолку. Но через пару суток я перестал обращать внимание на ящериц, тем более что они никогда не забиралась в постель.

Когда утром съемка в очередной раз отменилась, точнее, перенеслась на неопределенное время, я бродил по центральному рынку. Чего только здесь не предлагали! Причем достаточно настойчиво! Различные продукты сюда свозили даже из соседних стран — Гондураса, Сан-Сальвадора, Коста-Рики. Фрукты и овощи, какие-то деликатесы из симпатичных червячков или насекомых.

Просто так по рядам пройти невозможно. Нужно хотя бы попробовать. Я доставал камеру и начинал снимать, показывая всем своим видом, что я при важном деле, а не просто пришел за покупками. Все прекрасно понимали мои уловки, а я одного не понимал: как можно делать бизнес, продавая фрукты на базаре, когда они бесхозно растут на деревьях вдоль всех дорог?

Кстати, еще одним проектом голландцев было строительство крытого рынка в Чинандеге. На

никарагуанских базарах страшная антисанитария. Но на новом коммунальном объекте должны были провести водопровод, построить канализацию. Однако тут предусматривалось всего около полусотни торговых мест. Торговлей же в городе занимаются сотни, если не тысячи, человек.

Однажды часов в шесть утра весь город огласился барабанным боем. Завыла сирена. Спросонья я подумал, что начинается извержение вулкана и жителей предупреждают об этом. Но оказалось, что через пару недель в стране один из многочисленных праздников. А какой праздник без барабанов?! С того дня барабаны звучали с раннего утра до позднего вечера, по улицам маршировали десятки оркестров барабанщиков, одетых в белоснежные рубашки, оттачивали движения, ритм и силу ударов. Словом, побратим у Минска оказался довольно шумным...

В последний день никарагуанской командировки я купил пару мачете, связку глиняных колокольчиков, которые отпугивают злых духов, что крайне необходимо в повседневной жизни, и еще несколько сувениров.

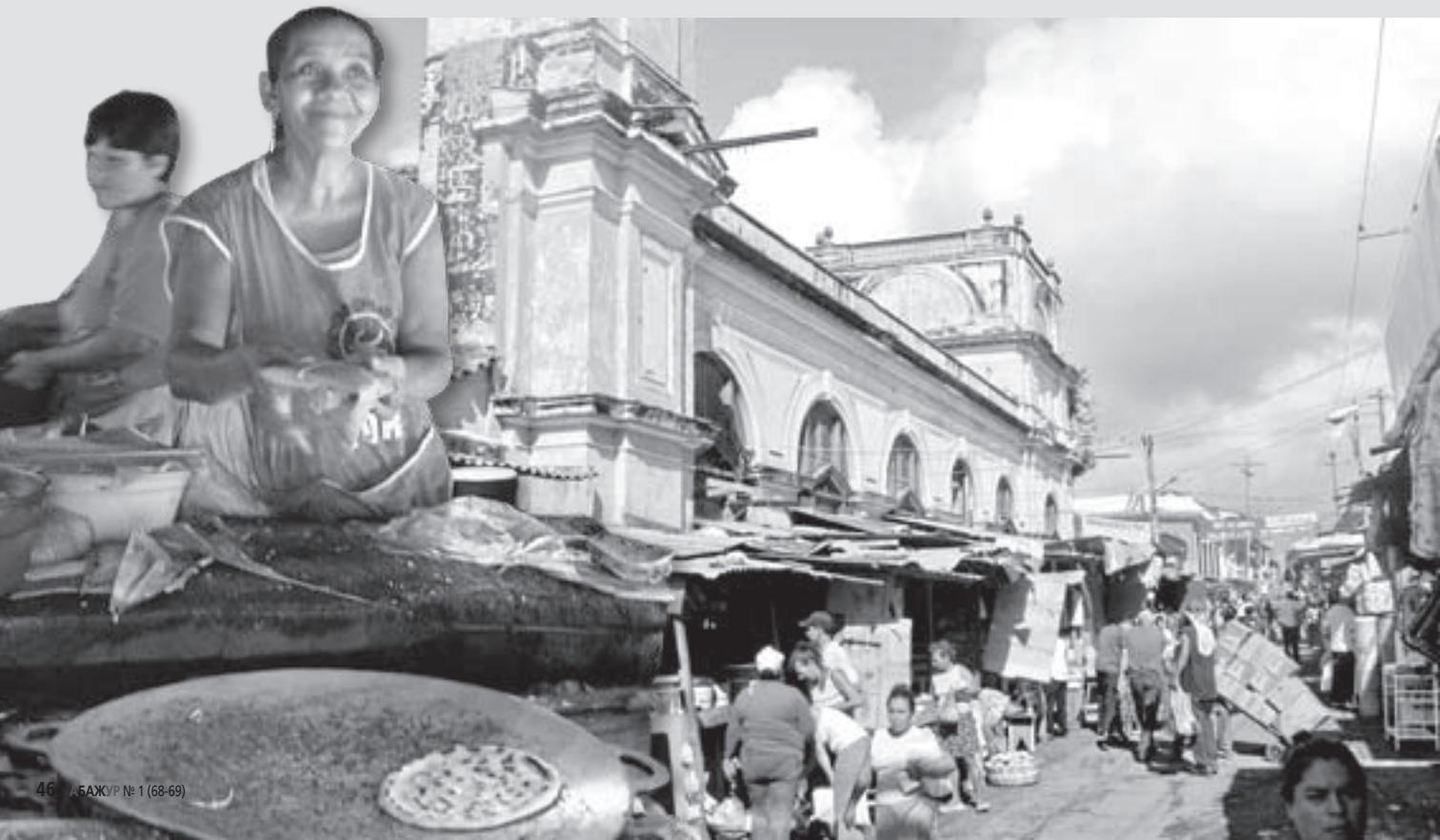
Буря мглою небо кроет...

Примерно в обед одним прекрасным октябрьским днем наш самолет взлетел.

Уже стемнело, когда мы подлетали к Гватемале. В иллюминаторе уже были видны огни города, но тут огромный «Боинг» словно уткнулся в подушку. Затем за стеклом иллюминатора все исчезло, самолет стало трясти, все его железное тело изгибалось и скрежетало.

Неожиданно железная птица взмыла вверх. За бортом все стихло. Самолет с полчаса разворачивался и опять пошел на посадку. Все шло прекрасно до тех пор, пока не стали видны улицы с машинами. И тут опять самолет уперся в какую-то невидимую подушку. Пилоты предприняли третью попытку. Самолет опять затрясло, как в лихорадке. Набожные католики, а их было большинство среди пассажиров, стали молиться. Хотя была команда пристегнуть ремни, некоторые встали на колени в проходах между креслами. Вся посуда, стоявшая на откидных столиках, оказалась на полу. На головы падали вещи с верхних полок.

Опять неожиданно, как и в первый раз, самолет резко взмыл

вверх. Через пару минут кошмар так же резко прекратился. Вокруг самолета образовалась какая-то вселенская тишина. В первую секунду она показалась еще страшней, чем рев бури.

Всех привел в себя голос командира. Он объявил, что принял решение возвращаться в Сан-Сальвадор. Пассажиры аплодисментами выразили свое согласие. Не аплодировал только я, поскольку понял, что в Мехико к отлету моего самолета в Европу я уже не попаду. Мои самые плохие предчувствия, казалось, сбывались: Мехико — не мой город.

В Сан-Сальвадоре сели вполне благополучно. Нас угостили легкой закуской, сухариками, орехами, напитками. Я, впрочем, «жевал» и свои грустные мысли. Если мой самолет уже улетел из Мехико, а не улететь он не мог, как мне добираться до Европы? Да и денег у меня было в обрез.

Часа через полтора объявили посадку. Я уже устроился поудобней и даже глаза закрыл, как вдруг услышал, что объявляют мою фамилию. Подошел к стюардессам, те сообщили, что мне необходимо покинуть самолет. Такого поворота, честно говоря, я не ожидал. Темной ночью, да еще посреди двух американских континентов, с какой стати? Девушки говорили, что мой самолет уже улетел из Мехико, и мне лучше остаться в Сан-Сальвадоре.

Что такое Сан-Сальвадор, я не представлял. Где буду ночевать — также. А как потом добраться до Мехико? На эти вопросы стюардессы не могли ответить. Они только твердили, страстно жестикулируя, что мне необходимо покинуть самолет, который я якобы задерживаю. Пассажиры передних кресел насторожились. Но я заупрямился.

Что-то подсказывало мне, что нужно лететь в Мехико. Там, в конце концов, есть один близкий мне человек во всей этой Америке — Михаел. Если встречу, он мне поможет.

Пожав плечами, стюардессы согласились оставить меня в самолете. Может, я был и не прав, но решение было принято.

В Мехико меня всегда ждут неприятности

Огромный аэропорт, больше напоминающий город в городе, был практически пуст. Закрыты почти все кафе и буфеты, не работали магазины «дьюти фри». Но я был настроен, честно говоря, непоколебимо и даже зло. Решил для начала найти офис компании «КЛМ», на самолет которой у меня был обратный билет.

Длина коридоров в аэропорту Мехико измеряется километрами. И тянутся они в несколько ярусов. Но я нашел контору «КЛМ». И там мне популярно

объяснили, что я опоздал не по их вине, поэтому все претензии должен предъявлять к той латиноамериканской компании, на самолете которой прилетел, то есть к «Авиатеке».

Еще с час я болтался по коридорам и недвижимым эскалаторам, пока не нашел нужной двери. После настойчивого стука ее открыл какой-то заспанный мужик в подтяжках.

Я предъявил ему билет и вкратце обрисовал невеселую ситуацию. Мужик сморщился, пообещал помочь и порекомендовал подождать до утра на одной из лавок. Я с ним категорически не согласился и потребовал, чтобы меня поместили в гостиницу до прояснения ситуации. Мужик опять поморщился, но стал куда-то названивать по телефону.

Потом вызвал посыльного в фирменной шапочке, который, взяв мои тяжелые сумки, вывел меня из аэропорта. Вот так выяснилось, что не во всех случаях путешественнику в Мехико нужна виза. Через пару минут подъехал зеленый микроавтобус, и еще минут через пятнадцать я входил в двери отеля известной мировой сети «Холидэй Инн».

Не могу удержаться от желания дать практический совет малоопытным авиапутешественникам, которые могут попасть в подобные ситуации. Если вы не по своей вине отстали от самолета (поезда, теплохода) — не теряйтесь. Качайте свои права до упора. Компания, по чьей вине это случилось, должна обеспечить вас ночлегом, питанием и всем необходимым. А также посадить вас на другой рейс, чтобы вы благополучно добрались до места назначения.

На «попутке» в Париж

В аэропорту, который после ночного затишья уже походил на муравейник, я сначала пошел в латиноамериканскую компанию «Авиатека». Оттуда меня спровадили опять в «КЛМ». Там сказали, что это не их «фолт», то есть вина, и отправили искать правду обратно. Пришлось опять

немного рассвирепеть. Это подействовало. Однако все рейсы на Амстердам были забиты под завязку. Похоже, улететь в тот день мне не светило.

Однако тут поступило сообщение, что есть одно место в самолете, улетающем в Париж. Мой же билет был выписан через Амстердам. Но выбирать не приходилось. К тому же из Парижа до Варшавы ближе. А там и до Минска рукой подать. В общем, я полетел в Париж.

Приземлились мы в аэропорту имени Шарля де Голля благополучно. Погода была удивительно парижская, и хотелось спеть что-нибудь французское. Или хлебнуть здешнего винца. Но французских песен я просто не знал, а на вино не хватало денег. Обменяв последние доллары на франки, я купил пачку благородных сигарет «Мальборо».

Необходимо отдать должное французам: билет они мне переоформили в два счета. Без всяких подозрений и волокиты. А может быть, потому что я так нашумел в Мехико, что отзвуки докатились до Парижа?

Словом, часа через три я уже сидел в самолете польской компании «Лот», который и доставил меня в Варшаву. Последний перелет не запомнился ничем, поскольку был по сравнению с другими предельно коротким.

Мой чемодан остался в эмиграции?

Ближе к вечеру я оказался в Варшаве. И, только ступив на твердую польскую землю, понял всю глубину мысли моего калининградского попутчика. Действительно, все мы, европейцы — земляки. От Парижа до Варшавы совсем не далеко. А от Варшавы до Минска, казалось, и пешком могу добраться.

Однако радоваться было еще рано. Все мои попутчики уже давно разошлись, а я все смотрел на пустой багажный транспортер, надеясь, что из окошка наконец выплывет мой многострадальный чемодан. Но транспортер застыл, и я догадался, что мой багаж

валяется то ли в Сан-Сальвадоре, то ли в Мехико, в лучшем случае в Париже в шатком положении незаконного эмигранта.

В чемодане, заблудившемся среди трех континентов, были сменная одежда, два купленных мной в Чинандеге мачете, пару бутылок рона, а главное — отснятые видеокассеты. Черт меня дернул положить их туда!

Пришлось обратиться в конторку, которая занималась пропавшими вещами.

Девушка подробно расспросила, какого размера и вида был чемодан, что в нем, где и как я летал. Заверила меня в том, что у них, как и в других странах, ничего не теряется, записала мой домашний адрес и телефон. И посоветовала спокойно ехать домой.

Через пару дней я был в родном Минске. Вышел на работу, но работа как-то не клеилась. И все время думалось о чемодане. Где он, бедолага, мог потеряться? Лежит ли на чужестранном складе или барражирует над континентами и океанами? Был он со мной в нескольких десятках стран, но такое с ним приключилось впервые.

Товарищ, вы везете через границу оружие

Но, к счастью, я оказался совершенно неправ, плохо думая о мировых авиаперевозчиках. Дней через десять мне позвонили из аэропорта «Минск-2» и сообщили, что чемодан мой нашелся в Мексике и благополучно доставлен в Минск. Пригласили забрать его.

В тот же день, бросив все дела, я сел за руль своего старенького авто и погнал в аэропорт «Минск-2».

В аэропорту меня завели в какую-то комнату, которая была загружена чемоданами, сумками и другой поклажей. Предъявили моего любимца, спросив прежде о его содержимом. Мое описание, естественно, совпало с реальностью, и, схватив чемодан, я двинулся в сторону таможенного поста.

Но тут меня резко тормознули. Попросили еще раз открыть чемодан. Сверху в нем лежали два мачете, завернутые в картон. Таможенник взял в руки одно из них, развернул упаковку и очень медленно, но многозначительно сказал: «Холодное оружие везете, товарищ!» Тут я с некоторым душевным содроганием осознал, что эстафету злополучных приключений от меня принял мой чемодан.

Я попытался популярно объяснить, что мачете — это не холодное оружие, а средство для рубки сахарного тростника и уничтожения вредных сорняков. Это что-то вроде косы, только другой системы. Однако с моими вескими доводами таможенник не согласился. Конечно, мачете — не ножик для разрезания бумаги. Но и к холодному оружию, я убежден, их отнести было методически не правильно.

И тут я предложил таможенникам компромиссное решение возникшей проблемы: если латиноамериканский вариант косы считается у нас холодным оружием, а в ряде стран, которые посетил мой чемодан, нет, — пусть отправят чемодан обратно в Варшаву. Там его заберут мои друзья...

Но к дискуссии присоединился еще один таможенник. Увидев мачете, спросил, где я был. Узнав, что в Никарагуа, с глубокой ностальгией сообщил, что лет пять работал там переводчиком. И стал расспрашивать о нынешней жизни в этой стране. Я сделал короткое сообщение на эту тему. Он улыбался так, будто опять побывал у океана. Потом попросил своих коллег отпустить меня с миром.

С тех пор мачете висит у меня на стене. Снимаю его исключительно в тех случаях, когда сорняки на моей даче начинают уж слишком наглеть. Иногда достаю с полки кассету с видеофильмом, сделанным для голландцев. Любуюсь крокодилами в чинандегском бассейне, с глубокой гордостью смотрю на работу белорусских тракторов на трудной и многострадальной никарагуанской земле и мысленно бросаюсь в тихоокеанскую волну...